

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЯДЕРНОГО СОЦИУМА

Елена Комлева

Институт философии и политологии, Технический университет, Дортмунд, Германия

Еще Левкипп, Демокрит и другие античные философы задумывались о строении материи, об атомах - ее "кирпичиках". От древнего человека прослеживается рефлексия феномена энергии в разных ракурсах и с разных философских платформ. В том числе, - энергии солнца и звезд. Косвенно человечество осмысливало феномен ядерной энергии (допустима, видимо, такая интерпретация) уже тогда, когда не существовало еще и понятия "атомное ядро". И с тех давних пор оно познает и формирует социальные проявления этого, трансцендентного до времени относительно прямого познания, феномена, узнав непосредственно о нем сравнительно недавно. Вспомним об "астрономической религии" инков и их предшественников. Когда космологическими параметрами фатально определялись и быт, и бытие цивилизации. Возможно, попытка Эхнатона ввести культ солнца и единобожие была первым стремлением на государственном уровне произвольно и неосознанно заставить общество попутно с прочим "смотреть в корень бытия".

После создания атомной бомбы светские и религиозные философы активно интерпретировали значение и возможные последствия этого. Все же, следует признать, осмысление ядерного феномена, прежде всего - в связи с существованием мощной и опасной ядерной техносферы, как явление еще молодо. Кроме того, в последние годы интеллектуально - мировоззренческая оценка ядерного мира находится не на высших уровнях активности.

Ядерный пример послужит формированию человеческого и государственного менталитета, созданию цивилизованных мировоззренческих и социально-гуманитарных оснований мудрого развития других амбивалентных технологий, число которых впредь будет лишь множиться.

1. История этической философской рефлексии

Философы во второй половине XX века актуализировали проблему ядерной энергии. Но по вполне понятным причинам и в силу относительно небольшого "времени жизни" конкретных явлений философская рефлексия была большей частью светской и весьма политизированной, сводилась в основном к ядерному оружию. Кроме того, преобладала позиция однозначного отрицания ядерного оружия. У. Гэй в своем обзоре преимущественно западноевропейской и американской соответствующей истории философской мысли выделяет, например, пять этапов осмысления морали ядерного оружия именно в таком контексте. И приводит характеристику мнений наиболее видных участников дискуссий. Позволю себе длинное цитирование - нечто вроде исторической справки из этого обзора в авторской редакции У. Гэя.

"Первая фаза этической реакции: от Хиросимы до Бикини. В течение первой фазы философской реакции ряд философов международного масштаба призывали к социальной ответственности. 8 августа 1945 г., всего лишь через два дня после атомной бомбардировки Хиросимы и за день до бомбардировки Нагасаки, Альбер Камю стал первым философом, заявившим об этической стороне дела в статье, опубликованной в подпольной газете сопротивления «Combat». 18 августа 1945 г. Бертран Рассел начал свою длительную кампанию статьей в «Forward». Также в 1945 г. Жан-Поль Сартр откликнулся на события статьей «La Fin de la Guerre» в «Temps Modernes», а Джон Дьюи опубликовал

свою основополагающую статью «Дуализм и расколотый атом» в «The New Leader». Тейяр де Шарден также внес свой вклад. Скоро философы задались вопросом о возможности и необходимости мирового правительства. Знаменитый философский журнал «Ethics» опубликовал статью Эмиля Бенуа-Смулльяна (Emile Benoit-Smullyan) и ответную статью Джозефа Нейера (Joseph Neyrer) на эту тему. В ходе других дискуссий Бертран Рассел и А.С. Ивинг (A.C. Ewing) анализировали проблему необходимости мирового правительства для обеспечения глобальной безопасности в атомную эру. Наконец, несколько философов подчеркивали возможность уничтожения всего человечества с помощью ядерного оружия. В частности, Джон Сомервилл (John Somerville) приступил к своим грандиозным трудам на эту тему в 1940-е гг. и продолжал их на протяжении всего двадцатого века.

На первой фазе выделяются две работы. Во-первых, в 1946 г. Т.В. Смит, бывший редактор журнала «Ethics» и плодовитый автор по теории демократии, опубликовал книгу «Сила атома и этические убеждения» (Atomic Power and Moral Faith). Эта книга была первым отдельным философским изданием, посвященным размышлениям о ядерном оружии. Смит подчеркивает экономические, военные и социальные последствия атомной энергии, критикует религиозное и политическое сектанство в атомный век и уже в то время призывает к улучшению американско-советских отношений. Во-вторых, в 1948 г. Дэниел С. Робинсон (Daniel S. Robinson) выпустил книгу «Принципы поведения» (The Principles of Conduct). В рамках прикладной философии он выражает тревогу относительно того, что атомный фактор станет доминировать в том, что он называет «политической этикой».

Вторая фаза этической реакции: наземные испытания водородной бомбы. Во второй фазе философской реакции особое внимание уделялось дискуссии о возможности уничтожения человечества, в которой участвовали несколько светил философии. В 1950-е гг. ранние надежды на международный контроль над ядерными вооружениями сменились грубой реальностью «холодной войны»: план Баруха был отвергнут, изобретена водородная бомба, китайская революция одержала победу и началась корейская война. На этом фоне Бертран Рассел и Сидней Хук (Sidney Hook) в 1958 г. провели жаркую дискуссию, в которой каждый занимал крайне противоположные позиции. Рассел доказывал, что ядерная война уничтожит все человечество, а Хук – что советский коммунизм уничтожит всю свободу. В разгар этой политической перепалки Рассел упустил из виду, что, скорее всего, в ядерной войне исчезнет не все человечество, а Хук – что ни одно общество, включая Советский Союз, не может полностью избавиться от свободы. Тем не менее, их крайние, хотя и неточные, утверждения делали подбор аргументов значительно легче. Рассел, конечно, был в тот период философом, наиболее широко писавшим о ядерной войне. Для Би-би-си он подготовил радиопостановку, направленную против водородной бомбы, стал инициатором антиядерного Пагуошского движения, участвовал в кампании за ядерное разоружение, а в 1959 г. опубликовал свой классический труд «Здравый смысл и ядерная война» (Common Sense and Nuclear Warfare).

Одним из самых важных практических результатов критики наземных ядерных испытаний со стороны этиков и ученых стали заключение и ратификация Договора о частичном запрещении ядерных испытаний. В связи с этим, помимо «Манифеста Рассела – Эйнштейна», один из сильнейших призывов к защите невинных от последствий наземных ядерных испытаний и от ужасов термоядерной войны прозвучал в книге Альберта Швейцера «Мир или атомная война?» (Peace or Atomic War?) в 1958 г. Несмотря на это, у хуковской позиции защиты «холодной войны» также нашлись влиятельные представители, из которых самым знаменитым был Карл Ясперс, который в 1958 г. опубликовал книгу «Атомная бомба и будущее человека» (Dei Atombombe und die Zukunft des Menschen). Подобно Хуку, он считал, что можно рискнуть уничтожением

человечества в ядерной войне, чтобы не потерять «человеческий облик» в условиях тоталитаризма. Менее известны некоторые метафизические оценки ядерного века, прозвучавшие в этой фазе. Мартин Хайдеггер, несмотря на противоречивость его фигуры из-за краткого сотрудничества с нацистами, рассматривает метафизику ядерного оружия в нескольких работах, и некоторые философы, особенно в 1980-е гг., вывели из его идей, что метафизические размышления о ядерном веке помогают нам осознать свою долю якобы хозяев (и потенциальных разрушителей) Земли. Он подвергает критике самонадеянность антропоцентризма и призывает к ненасильственной экологической бдительности в рамках понятия *Hausfreund* – друг дома нашей планеты.

Третья фаза этической реакции: появление наступательной стратегии. Третья фаза философской реакции стала знаменитой благодаря росту общественной озабоченности ядерной угрозой в 1970–1980-е гг. Американская академия наук предупредила об опасности истощения озонового слоя в результате ядерных взрывов, организация «Врачи за социальную ответственность» провозгласила неразрешимость медицинских проблем в послевоенных условиях, в 1982 г. Джонатан Шелл (Jonathan Schell) в своем знаменитом антиядерном манифесте «Судьба Земли» (*The Fate of the Earth*) использовал понятие «вторая смерть» для обозначения уничтожения человечества в ядерной войне, а Карл Саган ознакомил общественность с понятием ядерной зимы. На фоне этих апокалиптических предсказаний дискуссия о ядерной войне приобрела острый характер. Джон Сомервилл заострил свои прежние аргументы, введя термин «омницид» – необратимое уничтожение всей животной жизни. Помимо возвращения к теории уничтожения человечества, философы 1970-х и особенно 1980-х гг. опубликовали огромное количество работ, посвященных «наступлению на наступление», направленных против политики эскалации ядерной войны и оружия первого удара. Ключевые статьи были опубликованы журналами «*Philosophy and Social Criticism*» (Gay, 1984) и «*Ethics*» (Hardin и др., 1985), также появилось несколько важных антологий, включая «Ядерное оружие и будущее человечества» (*Nuclear Weapons and the Future of Humanity*) – 1984 г., под редакцией Коэна и Ли (Cohen and Lee), и «Ядерная война» (*Nuclear War*) – 1985 г., под редакцией Фокса и Гроарке (Fox and Groarke). Больше всего на эти темы публиковали философы Дуглас Лаки (Douglas Lackey) и Грегори Кавка (Gregory Kavka) – часто в виде полемики. Главная работа Лаки этого периода (1984) – «Этические принципы и ядерное оружие» (*Moral Principles and Nuclear Weapons*), а Кавки (1987) – «Этические парадоксы ядерного сдерживания» (*Moral Paradoxes of Nuclear Deterrence*).

Четвертая фаза этической реакции: конец «холодной войны». В четвертой фазе философской реакции философы сосредоточили свое внимание на распаде СССР и продолжающемся увеличении числа новых государств с ядерными арсеналами. Даже после распада СССР, утверждал в 1993 г. Стивен Ли (Steven Lee) в книге «Мораль, благоразумие и ядерное оружие» (*Morality, Prudence, and Nuclear Weapons*), угроза ядерной войны сохраняется. В мире после «холодной войны» сохраняется серьезное положение, связанное с аморальностью и неблагоразумием ядерного сдерживания, не говоря уже о ядерной войне. Ли требует объявления ядерного оружия вне закона и утверждает, что для достижения этой цели вне закона должна быть объявлена сама война. Ту же озабоченность выражала книга 1994 г. «На пороге 21-го века» (*On the Eve of the 21st Century*) под редакцией Уильяма Гэя и Т.А. Алексеевой; эта книга фактически была первой совместной работой российских и американских философов со времени распада СССР. И россияне, и американцы критикуют продолжение «реальной политики» и мораль ядерного сдерживания. Они также призывают к ненасильственным подходам к национальной безопасности. Помимо этого, они переоценивают будущее социализма и роль России в мире после «холодной войны». В этот период организация «Обеспокоенные философы за мир» (*Concerned Philosophers for Peace*) и Североамериканская философская

ассоциация начали выпуск в издательстве «Родопи» (Rodopi) специальной серии по философии мира (Special Series on Philosophy of Peace, POP) под общей редакцией Джозефа Канкеля (Joseph Kunkel).

Пятая фаза этической реакции: будущее насилия, терроризма и войны. Пока неясно, какой ответ с этических и политических позиций дадут философы и мировое сообщество перспективе нарастания ядерного распространения и сопутствующей угрозе ядерной войны. Тем не менее, после терактов 11 сентября 2001 г. вырисовывается пятая фаза философской реакции. Философы начинают критически оценивать связь между насилием, терроризмом и войной. Все чаще звучит мнение, что различия между этими понятиями скорее количественные, чем качественные. Первым имеющимся комментарием стал специальный двойной номер «Вестника обеспокоенных философов за мир» (Concerned Philosophers For Peace Newsletter), посвященный теме «Терроризм и война в 21-м веке» (Gay, 2001). Специальная серия по философии мира планирует целый сборник, посвященный проблеме терроризма. В новой Специальной серии, публикуемой «Родопи» под общей редакцией Уильяма Гэя, российские и американские философы рассматривают эти и более широкие проблемы, связанные с поисками глобальной справедливости. Философская реакция на насилие, терроризм, войну, ядерное оружие и другие формы массового уничтожения, вероятно, будет существовать, пока планета заражена этими источниками разрушения и пока философы будут способны поднимать этические проблемы. Учитывая постоянство их моральных позиций, философы, скорее всего, будут по-прежнему поддерживать жертвы насилия и несправедливости и пытаться построить мир, который отринул бы ядерное оружие и другие виды оружия массового уничтожения".
Конец цитаты из обзора У. Гэя.

Однако, при всей важности этической рефлексии "практической ядерной философии" в деле сохранения мира на планете, когда нужно было действовать быстро и решительно, феномен ядерной энергии не был проблематизирован в необходимой полноте. Должным образом не получила выражение, например, точка зрения религиозной философии. И уже сам У. Гэй отмечает негатив мировоззренческих и прагматических последствий этого. В частности, невозможность использовать опыт ядерных взаимоотношений США и СССР как модель ядерной "философии" и реальных действий государств в новых международных условиях.

Далее в данной работе логика подбора примеров, в какой-то мере, предусматривает развитие попытки обзора с учетом выявленных пробелов и произошедших изменений национального менталитета в ряде стран. Кроме того, задействован мотив не только изменчивости национально-особенного в философии и культуре (от "забронзовевшего" Запада к новой мысли активного и возрождающегося Востока), но и в координатах "инициаторы ядерного *техно* и *милитари* (преимущественно Германия и англосаксонский мир) – жертвы (исторически, прежде всего, Россия и Япония)". Хотя, конечно, измерение ядерного пространства в терминах "инициаторы" и "жертвы" весьма условно, неоднозначно в отношении акторов, но потенциально перспективно методически. Вряд ли серьезно можно оспорить мнение, что посыл и результат осмысления ядерной энергии могут значительно различаться в обществе в зависимости от того, в какой мере оно практически испытало ядерную амбивалентность. И это обстоятельство, коли оно уже случилось, теперь нужно задействовать: не для исторических обвинений, а для полноты рефлексии в контексте благополучного будущего.

2. Ареал немецкой традиции

При поиске источников информации по теме обращает на себя внимание одна особенность. В этических, политологических, исторических, теологических, экологических и публикациях других жанров выделить доминирующую национальность авторов сложно. При многоплановом же философском осмыслении ядерного феномена, на мой взгляд, более представлены исследователи немецкоязычного генезиса, напрямую или косвенно связанные с немецкой культурой. Это собственно философы К. Ясперс, М. Хайдеггер, Г. Пихт, Э. Фромм, В. Хесле, К.-О. Apel, G. Ropohl, D. Henrich, а также физики-философы А. Эйнштейн, М. Борн, В. Гейзенберг, К.Ф. Вайцеккер, Р. Оппенгеймер и другие. Хотя некоторые из них, в силу известных событий 1930 -1945 г.г., исследовали социоядерную тематику за пределами Германии.

Дополнительно к общеизвестным достоинствам немецкой философии, ситуацию сформировали, видимо, также традиции ядерной физики (немецкие исследования в этой области в первой половине XX века являлись ориентиром для мировой науки) и трагический опыт нацизма в этой стране. М. Рогожа также отмечает интересные различия в сфере философских исследований аналогичной тематики. Этот автор связывает более глубокое и комплексное осмысление кризисных экологических явлений с традициями немецкой философской школы, нежели англо-американской. Общеизвестно, что и другая близкая философская проблематика - философия техники - обязана своим появлением и развитием немецкой культуре (см., например, В. Розин, В. Горохов).

Главные элементы структуры подхода Карла Ясперса

Идеологический фундамент: тотальность, целое и полнота

Пример гуманистически-гуманитарного и одновременно комплексного соосмысления феномена ядерной энергии и других важных социальных явлений (для конкретных исторических условий и по многим на то время существенным связям явлений) – брошюра (первоначальный вариант работы) и книга К. Ясперса "Атомная бомба и будущее человека". Исходя из концепции моей работы, следует заключить, что он не потерял своего значения и сегодня. В этой книге поставлен вопрос о “новом состоянии” человечества. Книга К. Ясперсом (более 500 страниц “мелким почерком”) разделена на три части: “*Во-первых*, всеобщие рассуждения, которые ведут к ограничениям. *Во-вторых*, изложение настоящего положения в мире. *В-третьих*, раскрытие человеческого бытия в охвате”. Доминантой своего исследования К. Ясперс выбрал категорию “целое”: “атомная бомба как целое”, “целый/цельный человек, способный увидеть феномен бомбы как целое”, “целый/цельный человек не только как субъект, но и как объект рефлексии”, “рефлексия феноменов бомбы и человека в целом”. Весьма плодотворно и показательно изучение уже и лишь оглавления книги.

Почему академический философ середины прошлого века актуален применительно к "горячей" теме современности? Он и сам отмечал существенную особенность книги: “Она ведет к философии, которая действительна не как предмет академического учения, а в человеке как человеке, как разумном существе”.

Эти публикации решительно отличаются от многих других философских книг. И вообще, - редкое исключение для классика. Текст брошюры в 1956 г. многократно транслировался по радио для широкой публики. Брошюра и книга – рефлексия философа. А какие в них, применительно к данной чрезвычайной теме, одновременно “смотрение в корень”, чувствительность к современности и понимание необходимости конкретики в мыслях и действиях! При этом философ отчасти как бы перешел на язык политиков, публицистов, теологов и нынешних экологов. Но, уделяя внимание важным деталям социоядерной

тематики из специальных областей знания, он все же сознательно дистанцируется от них, предостерегая от непродуктивных и даже ложных информационно-аналитических путей, показывая возможность и необходимость глубоких философско-политологических исследований “там, где необходимо величайшее беспокойство”. Брошюра и книга написаны по горячим следам второй мировой войны, нацизма, сталинизма, бурного начала первой атомной эры. В них очень много внимания уделено анализу различных политических аспектов. В том числе, попытке достигнуть состояния мира во всем мире на основе правовой мысли в системе ООН. И всё это в симбиозе с традициями дотошной классической немецкой философии.

"Новое фактическое состояние" всколыхнуло массу глобальных тем, которые рассмотрел философ. Это основные побуждения человека как вида; потенциал насилия, но и реальность “чистой природы человека”. Это механизмы управления человеком и социумом, принципы войн, история стран. Это будущий миропорядок, принципы государственного устройства и устройства мира в целом, принципы политического и общественного мышления, необходимость изменения структуры политического сознания, тоталитаризм и свобода, дух национального самопожертвования ради свободы, прогнозы сценариев развития человечества, расширение "ядерного клуба". Это разум и вера, светские и религиозные социальные институты. Это проблемы необходимости в идеале общения народов, общественных дискуссий, публичности информации, а также обеспечения прав человека, гражданина, народов, равенства шансов всех людей. Это этика ученых и политиков, право и мораль в обществе (сравним по подходу: то, что лишь часть у К. Ясперса - целое у последователей “этической рефлексии”). И многие другие темы.

Не только мотивы, но и предмет анализа в книге - перечисленные явления совместно с ядерными событиями и потенциями. Не только как важнейшие социальные явления того конкретного времени, но во многом и как архетипы в истории человечества вообще. По мнению К. Ясперса, только такой многогранный совместный анализ должен быть положен в фундамент осмысления этого "нового состояния".

По К. Ясперсу, ни одно из направлений мышления и действий отдельно – в координатах политики, морали и нравственности, чистой рациональности – не может привести к правильному пониманию той опасности, которую представляет собой ядерное оружие/ядерная энергия и их эсхатологический потенциал в контексте конца света в человеческом исполнении. И не может привести к устранению этой опасности. По отношению к религиозному измерению проблемы с выходом на адекватный результат он менее пессимистичен, не давая, все же, четких “рекомендаций”. По мнению К. Ясперса, наивысшие шансы понять и предотвратить опасность у человечества были бы при комплексном духовно-рациональном подходе. По К. Ясперсу, при таком подходе “требуется радикальное и всестороннее осмысление фактов и мотивов современного бытия и сознания”. И шансы реальны лишь в том случае, когда этот подход был бы раскрыт и развит максимально полно, когда проблемой отныне и на всю жизнь озаботилось бы как можно больше людей, когда они практически ежедневно прилагали бы усилия к этому.

Полезна *идея всесторонности* К. Ясперса в расширенном до ядерного феномена в целом виде: “Правда может стать ясной только при постановке вопросов во всех направлениях. То, что задано существованием бомбы, я хотел бы, поэтому, охватить в каждом возможном горизонте определенным образом, попробовать пройти каждый путь. Я хотел бы заставить говорить все *настроения*: возмущенные и агрессивные, безнадежные и отчаянные, невозмутимые, доверяющие. Я хотел бы отделить аргументы от настроений,

насколько они действительны в своей объективности. Я хотел бы подчеркнуть принципиально отличные *образы мышления*. Так как вопросы и ответы не все лежат в одной и той же плоскости, они не могут все рассматриваться одинаково одним и тем же способом. Я хотел бы попробовать образы мышления на их “поле”, чтобы каждый показал свои границы”.

Конечно же, детально проработать все составляющие существующих связей сложно. Это дело многих людей и лет. Полнота не может быть достигнута в одиночку, возможно, даже гениями типа К. Ясперса. “Моя книга, - писал К. Ясперс, - исходит из убеждения, что достижение кажущегося невозможным, преодоление смертельной угрозы лежит в сфере человеческих возможностей, хотя и является неопределенным и непредсказуемым”. Перефразируя и адаптируя К. Ясперса для условий феномена в целом, можно добавить, что проблема ядерной энергии в социальном плане “огромна, неизбежна и не может найти решения навсегда”.

В ядерной ситуации, по К. Ясперсу, предпосылкой для всего дальнейшего является: сориентироваться, прояснить ситуацию в видимых направлениях, – в конце концов, узнать, что новые факты гонят наше мышление до основания человеческого бытия, туда, где ставится вопрос о том, чем является и может быть человек. Он не адресует книгу тем, кто якобы знает путь к комфортному ядерному человечеству. Он не дает готовых рецептов. “Я не показываю, как надо делать ... я пытаюсь дать ориентацию относительно нашего положения, но только в возможных перспективах”. Свободному и просвещенному человеку, ищущему практические решения, он выставляет “требование продумать противоречивое, пробудить и проверить в самих себе возможные мотивы, удостовериться в ситуации в целом, поразмышлять о глубинном основании своей жизни”.

“Мои намерения направлены на *Целое политико-философского сознания*, которое сегодня может стать действительностью и правдой (Е.К.: конечно же, лишь в смысле конкретных исторических условий). Хотя отдельный человек, который пытается сделать это, сначала неизбежно выпускает существенное и должен много раз ошибаться. Но принцип продумывать целое неминуем” (К. Ясперс). В контексте осмысления социоядерного, К. Ясперс предлагает быть постоянно нацеленными на дополнения и альтернативы, понимать, что “фактически ничто не изолировано”, но мы всегда находимся “в неопределенности целого” как феномена, постоянно устремляться дальше, “перешагивая через горизонты с возникающими в них аспектами”. При этом “необходимо осознать себя в каждый момент занятой позиции мышления, с которой смотрят, точки зрения сопоставить друг с другом в отношениях, прочувствовать их как шаги в целом, воспринять переплетение аргументов при смещении точек зрения. ... Показать эти горизонты является возможным. ... Историческое решение тем глубже, чем в более широком пространстве познаваемого и реально наглядного оно себя проверило и подготовлено посредством длительного, в течение жизни, внутреннего действия в разумном человеке”.

Развивая эти мысли К. Ясперса, можно говорить о следующем. Мнения и решения окончательны и могут претендовать на полноту лишь для конкретного набора знаний, размышлений и исторических ситуаций. Нет ничего окончательного и вечного по отношению к ядерному феномену в целом. Достигнутое, исходя из принципа *целого политико-философского сознания*, в осмыслении сейчас – это лишь вмещающая среда, отправная точка, фундамент, от которых мы всегда должны двигаться к недостижимому, но становящемуся все определенной, пределу. Уменьшая все время на этом пути степень неопределенности все же принципиально непостижимого целого.

Если коснуться практической стороны формирования представлений о социальной компоненте ядерного феномена и ее самой, то, несомненно, ожидаемые трудности пополнятся. По К. Ясперсу, “для каждого достижения неизбежно разделение труда, как в науках - специализация дисциплин, в организации управления - компетентные уровни, в политике - многообразие делопроизводителей. Поэтому существуют полномочия через компетентность, профессию, службы и должности, через принадлежность к группам людей, народов, государств. Отдельный человек ощущает себя уполномоченным говорить от имени чего-то особенного и одновременно обязан уважать назначение других профессий и требования других групп. Это имеет свой смысл в плоскости порядка, задач, работ, авторитетов. В этой плоскости человеческое существование неизбежно и по праву подразделено на «компетенции». Но все деление подразумевает единство целого. Особые действия длительно полезны и плодотворны только через привязку к целому”. К тому же “существует самообман, что компетенции, разделенные между отдельными людьми, сами по себе будут рационально взаимодействовать, без того, чтобы кто-либо осознавал это. ... Деление на компетенции прекращается там, где необходимо управление всеми компетенциями, чтобы каждая компетенция смогла преуспеть”.

По К. Ясперсу, в ядерной тематике нужно делать дело, по возможности, максимально полно в каждом отдельном случае. Кроме того, следует, что в рамках отдельной работы возможно и необходимо показать тенденцию устремлений к этой полноте при главенстве в этом процессе, скорее всего, философии. При её поддержке другими духовно-гуманитарными сферами. Либо, как допускает К. Ясперс, при главенстве отдельных выдающихся личностей, необязательно философов по профессии, когда они “замечают целое”, когда каждый из них “является человеком как целым человеком”. Либо, как вновь можно найти подсказку у К. Ясперса, при главенстве представляющего объединенный духовно социум общественного органа. Иначе люди будут жить вслепую рядом с неизведанным и не всегда безопасным Сущим. И уже догадка, что глыба-конгломерат значимых явлений взаимосвязана с ядерной энергией или, под другим углом зрения, - что глыба-конгломерат взаимосвязанных с ядерной энергией явлений существует рядом, эта догадка, пусть в неясных до поры ощущениях, будет помогать правильной оценке всех этих явлений, решению конкретных задач и проблем из этого конгломерата.

Как невозможно проработать все детали сразу, так и, по К. Ясперсу, “невозможно сказать все сразу. А сказанное в каждом случае остается только тогда истинным, когда автору и читателю потенциально современно целое”.

Политическое и “надполитическое”

Начиная от категории “политика”, К. Ясперс переходит к необходимости “измерять” феномен в иных мерках “надполитического”. Анализирует ограниченность поля действия политических законов, исторические примеры взаимодействия политики и духовно-нравственных начал в обществе, его последствий. А также, - примеры “делания политики от надполитического”. Стремление к синтезу целого у К. Ясперса проявлено и здесь: “Политическое зависит от надполитического, но и также, что это надполитическое неоднозначно. Если оно рассматривается нами как этос, дух самопожертвования, разум, то, однако, каждая из этих трех составляющих привязана к другим или является единым с ними. Разделение – это только способ сделать передаваемым”. При чем он считает, что без независимого и постепенно изменяющегося “надполитического этоса” человечество будет потеряно. Предполагает необходимость надполитической власти нравственной идеи тогда, когда обычная политика становится бессильной или использует нравственную тему лишь как камуфляж и обязательное “общее место” в публичных речах.

“Сам политический путь нуждается в изменении. Тот, кто на этом пути действует, основываясь на *длительном* времени (и в состоянии *крайнего*), тот всегда руководствуется *большим*, чем только политическими мотивами. Политика, где она была *соразмерна* человеку, никогда не была *достаточной сама по себе*” (выделено мной, - Е.К.).

Разве гражданское общество, например, вне ядерных забот? Тем более, как отмечал К. Ясперс, в ядерном мире права человека, которые фактически действуют менее, чем когда либо, стали одновременно неотложнее, чем когда-либо.

Экономика и техника

Одна из альтернатив, обозначенных К. Ясперсом для человечества: “Либо внезапное начало атомной войны, может быть через годы, десятилетия, либо создание миропорядка без атомных бомб с новой, экономически основанной на атомной энергии жизнью”. Он вводит в рамки “ядерного глядения” неравномерность развития стран и эксплуатацию одних другими, помощь развивающимся странам, мировые противоречия, экономику и технику, супертехнизацию при ядерном истреблении людей, динамику роста населения.

С открытием радиоактивности в научное понимание вошло представление о “жизни”, конечном бытии, бренности химических элементов. Это заставляет по К. Ясперсу не отвергать самое худшее, вплоть до необратимой цепной реакции с распространением ее на всю материю Земли, когда в космосе появится "nova". Первым об этом высказался Ф. Жолио-Кюри. Согласно ему, в цикле ядерных превращений "всево все" можно нащупать "слабое звено" - и самопроизвольная реакция распада разрушит планету. "Если когда-нибудь исследователь найдет способ вызвать такую катастрофу, то попытается ли он сделать такой опыт? Думаю, что он этот опыт осуществит, так как исследователь пытлив и любит риск неизведанного", - писал Жолио-Кюри, и это замечание оказалось дальновидным (цитирую по Б. Козловскому). К. Ясперс говорил также о новом мироощущении, о ложных границах познания и техники применительно к ядерной энергии.

Проблема адекватности человека.

К. Ясперс в этих публикациях, проповедуя не слепую веру и пророчество, хотя и часто обращаясь к опыту пророков, а разум и терпеливое “всеоткрытое мышление” в двух ипостасях – открытое всем людям и всем вопросам сложнейшего феномена, анализирует новую, ядерную, реальность человеческого бытия. “В нашем новом положении, - писал он, - наше человеческое бытие должно ощутить: что это (говоря словом Канта) означает – быть человеком”. “Новое фактическое состояние” выдвинуло кажущуюся нереальной альтернативу. Когда “либо все человечество физически погибнет, либо человек изменится в своем нравственно-политическом состоянии”.

К. Ясперс – философ, волею ядерных обстоятельств, ставший также политологом и публицистом - писал в предисловии к своей книге: “Книга должна быть легко доступной, чтобы исследование изложенных здесь фактов, аспектов, мыслей было открыто бесчисленным отдельным лицам, которые идут со мной ... путем самостоятельного мышления. Чтобы пробудить эту самостоятельность, в книге, насколько это в моих силах, затрагиваются все возможности”. По К. Ясперсу, особенно в ядерном мире важно помнить, что “люди не одинаковы; человеческое бытие раскрывается через встречу с различными образами жизни и мировоззрениями в духовной борьбе”.

К. Ясперс считал ментальную реакцию общества на ядерную реальность весьма важной. “То, что сегодня называют общественным мнением, что показывается неясным, изменчивым, управляемым посредством пропаганды, несмотря на свою ненадежность, обусловленную темными и скрытыми силами, которые внезапно могут прорваться. Оно,двигаемое разумом, превознесло бы его превыше всего, захватив также людей, которые имеют в руках оружие и обслуживают бомбы. Оно породило бы соответствующих ему политиков или принудило бы их следовать своей собственной власти из-за этой воли. Сегодня государственные мужья не способны справиться с атомной бомбой, войной, требованием абсолютного суверенитета и всем тем, что едино с этим, если массы на Востоке и Западе, осветленные и двигаемые разумом сами не принудят к этому, переменяв образ мышления и самого человека”.

Одновременно он подчеркивал, что в годы “холодной войны” необходимая для сохранения человечества “революция образа мышления” не наступила. По его мнению: “*Отвлекающе* действует то, что внимание направляется на второстепенные факты, которые хотя и опасны по природе, но не имеют абсолютного значения. *Ограничивающе* действует то, что факт рассматривается изолированно, в то время как он приобретает вес лишь в связи со всем человеческим существованием и с вопросами человека о себе самом. *Забвение* способствует предвзятости сиюминутного благополучия экономического процветания”.

По К. Ясперсу (как отмечает П. Гайденок во вступительной статье ко второму изданию книги "Смысл и назначение истории", 1994), проблема общечеловеческих ценностей, взаимопонимания, открытости друг другу различных типов обществ, народов, религий - не роскошь, а жизненная необходимость как альтернатива "атомному пожару". При стремлении к благу для человека "наука, гуманизм и церковь нам необходимы, и мы никогда не откажемся от них. Они не всеисильны, содержат много досадных искажений, однако скрытые в них возможности являются необходимыми условиями для человека в его целостности".

К. Ясперс пережил наяву ужасы нацистской Германии, заглянул в бездну того, "что может совершить человек" сознательно или под принуждением, был непосредственным свидетелем условий и мотивации развертывания именно Германией в годы мировой войны "за жизненное пространство для избранной расы" первых в истории ядерных программ. Тревожная фоновая тональность К. Ясперса прорывается в частом обращении к теме нацистских концлагерей. Он говорил в контексте опасности ядерного уничтожения жизни о содействии "самовоспитанию человечества". По К. Ясперсу, "предотвратить эту опасность можно только в том случае, если она будет осознана, если угроза будет отведена с полной осознанностью и станет нереальной. Это может произойти только в том случае, если этос людей достигнет определенного уровня".

“Этос только один, и он неделим” – писал К. Ясперс, выделяя его в качестве главного идентифицирующего признака человека, наиболее адекватно отражающего необходимый тип поведения в ядерном мире. И, по К. Ясперсу, этос, тем не менее, “конкретно наполняется материалом ситуации времени”.

К. Ясперс, характеризуя сознание общества середины прошлого века, когда ядерная тема все же занимала умы людей больше, чем сегодня, хотя бы в силу её новизны и гонки ядерных вооружений, тем не менее, пессимистичен. Он оперирует такими смыслами, как “нежелание знать”, “нежелание знать – уже беда”, “нежелание верить тому, что знаешь”, отстранение от размышлений по такому поводу, который не сиюминутен, не для “здесь и сейчас”. Он также считает, что для социоядерной интеллектуальной деятельности из двух

принципиально возможных форм мышления (*ум и разум*) более необходим *разум* – предполагающий большую самостоятельность, индивидуальность, свободу.

К. Ясперс с пониманием говорил об “опасности слова” и о тенденциях замалчивания некоторыми политиками подлинных размеров военной ядерной опасности, дабы не травмировать население. Но он не разделял полностью такой подход.

С другой стороны, анализируя нынешние и в исторической ретроспективе пороки и слабости людей, К. Ясперс высказывает сомнение в том, что человек может стать принципиально другим. Видит объективно существующее противоречие между политикой (действия в реальном мире) и моральным идеалом (отодвинутым на далекую перспективу в лучшем случае). Ставит, казалось бы, неразрешимые вопросы: “Говорят, человеку нельзя предъявлять завышенных требований. Но как же быть, когда созданная свободой человека ситуация фактически ставит требование, с которым ему, с этой точки зрения, не справиться? ... Не является ли сегодня «завышенное требование» очевидным и неизбежным? ... Ситуация не разрешает нам вуалировать реальность (или предполагает как следствие вуалирования гибель человечества). Только сам человек, меняясь к разуму, может принести спасение”.

К. Ясперс писал: “Так как безумие и злоба, которые до сих пор имели ограниченные последствия, сегодня влекут все человечество к гибели, так как мы отныне, если мы не будем жить вместе и друг для друга, вместе погибнем, новая ситуация требует соответственного ответа”. Он, связывая отсутствие ныне “братьев по разуму” во вселенной с трагическим их неумением разумно распорядиться открывшимися им на определенном этапе развития иных цивилизаций возможностями ядерной энергии, отождествляя факт овладения ядерной энергией с неким общечеловеческим “моментом истины” в части разумности социума.

И все же: есть ли надежда на опору в человеке? Положительный ответ в принципе, хотя и через множество сомнений, дает К. Ясперс. “*Может ли человек стать другим? Возможен ли поворот к лучшему? Не был ли человек все время одинаковым в течение тех трех - пяти тысячелетий, которые нам исторически известны, а также в более ранние периоды, которые мы реконструируем? Говорят: человек не может измениться. История учит: Все великое, что люди создавали, они в скором времени уничтожали. История – это груда развалин. На основе опыта нельзя ожидать изменения. То, что здесь верно, действительно для естественной данности человека как одного из живых существ среди других. Но это не действительно относительно того, что собственно делает человека человеком, который является не только зоологическим видом: при остающейся одинаковой психофизической конституции человек преобразовывается снова и снова через поворот к лучшему свой исторический облик. Все великое, светлое и являющееся образцом, несмотря на все возможное ожидание, имеет другое происхождение вопреки остающемуся одинаковым Тянущему вниз. Несмотря на то, что регистрируют биология и психология, исторически возможна перемена человека. Она произошла со старыми пророками в Израиле, с мыслителями и поэтами Греции, с обновлениями поздней античности и христианства первых веков, с основанным на Библии этосом протестантского мира. Каждая из этих перемен, хотя и вскоре погибла, но осталась как требующее перемен воспоминание”.*

К. Ясперс солидарен с М. Вебером, который спрашивает: “Каким человеком надо быть, чтобы иметь разрешение засунуть свою руку в спицы колеса истории?” И они считают “безгранично потрясающим”, когда “человек, который реально и от всей души испытывает ответственность за последствия, в какой-нибудь момент скажет: «Я не могу

по-другому, я стою на том». Так как такое положение должно наступить когда-нибудь для каждого из нас, кто не мертв внутренне”.

Но единичных “восхождений” к пониманию нового ядерного состояния мира и необходимости нового мышления недостаточно. “То, что давно было в отдельном человеке, действовало в небольших кругах, но оставалось бессильным в целом, теперь стало условием продолжения существования человечества. Я не думаю, что преувеличиваю. Тот, кто продолжает жить далее, как и прежде, не понял угрозы. Интеллектуально мыслить еще не означает принять это в действительность своей жизни. Без поворота к лучшему, жизнь людей потеряна. Если человек хочет жить далее, то он должен преобразиться. Если он думает только о сегодняшнем дне, то наступит день, когда начнется атомная война, в результате которой вероятно наступит конец всему.” (К. Ясперс).

Разум и религия

К. Ясперс дал пример методологии и потенциала рефлексии ядерного феномена, “работая” в пограничной области “философия – религия”. Вот их контуры и доминанта. Сначала он фиксирует абзац, констатирующий религиозную догму о взаимоотношении религии и разума. Это шире нашей темы, поэтому нам не столь интересно. А вот дальше – интересно и методологически поучительно. К. Ясперс не спорит с догмами, не “копается” в их деталях. Он находит неожиданный собственный постулат, не связанный с тем, как “работают” или не “работают” религиозные догмы. Позитивный постулат, который позволяет двигаться в нужном ему направлении: все религиозные коды несут отпечаток сознания людей и, в этом смысле, принадлежат им.

К. Ясперс позитивно воспринимает роль религии в ощущении мира. Но только в сочетании с разумом: “Религия правдива только в той мере, когда она проникнута разумом. ... Но там, где религия уклоняется от разума, она становится опасностью для хода вещей”. Он подчеркивает важное итоговое обстоятельство в сфере взаимоотношения религии и разума, не останавливаясь на сути, доминантах и правильности или неправильности религиозных догм в этой сфере. По К. Ясперсу, то, что с помощью религии и разума “постигается в мире, является одновременно творением людей. ... Поэтому незаменимы предания ... через церковные религии. Культовый опыт и мыслительные фигуры догм – это сосуды трансцендентной субстанции. Уже ребенка посвящают в действительность, которую он переживает, хотя и не понимает. В картинах и сравнениях, в настроениях и праздниках ему становится доступным незапамятное. Понять все это не в состоянии никакая дрящаяся всю жизнь работа ума”.

Полученная таким образом религиозная информация “как код сохраняет ... правду и силу, как многозначный язык трансценденции, который дает человеку пространство, в котором он просветляется. ... В его (Е.К.: пространстве) завуалированной ... ситуации он (Е.К.: человек) находит не только реальные ориентиры, но и, просветленный через коды трансценденции, свое решение”. К. Ясперс считает необходимым привлекать религиозные откровения и знания при рефлексии проблемы ядерного оружия: “Мы должны спросить разум настоящей церковной религии и теологии, что они могут сказать в ситуации атомной бомбы”.

К. Ясперс при анализе гипотетических возможностей предотвращения грядущей опасности, если она будет осмыслена, уже более уверенно обращается к религии, отталкиваясь от пророков Ветхого завета: “Вспомним о старом и всегда новом, и в любое время действительном требовании, которое ставит нам сегодняшняя ситуация с крайней

настойчивостью: Недостаточно найти новые институты; мы должны преобразовать нас самих, наш настрой, *нашу нравственно-политическую волю...*”. Кроме того, он цитирует библейского Иеремию. Такое обращение к Библии символично и закладывает тенденцию преемственности. Этот пророк одним из первых и настойчиво проповедовал настоятельную необходимость духовных приоритетов в религии, видел предстоящий долгий-долгий путь совершенствования человеческих душ для блага и земной жизни, нелюбезно обличал и беспокоил в этом контексте все сословия общества. При понимании необходимости коренного духовного переворота в человеке, К. Ясперс подчеркивает при этом отсутствие готовых рецептов, невозможность принуждения и упование лишь на дремлющие возможности, на которые указывали пророки. Похожая социальная позиция позже была присуща А. Сахарову относительно адекватности общественного осознания ядерной ситуации.

Ощущая потенциал религии в идеале, тем не менее, К. Ясперс весьма критичен по отношению к конкретным ее “инструментам”, “механизмам”, институтам проведения религиозных догм в жизнь, реализации идеала. Например, к Библии в силу её противоречивости и неоднозначности в толкованиях. И к реальным церквям за их разобщение и субъективизм в отстаивании каждая своей “правильной” веры и чисто меркантильных интересов собственной корпорации. “Если церкви и теологи высказываются ... относительно атомной бомбы, то среди них так же мало единодушия (как и в других вопросах веры), как и у остального мира по атомному вопросу”.

Одновременно К. Ясперс пишет о том, что, по его мнению, могло бы повысить эффективность церквей при рефлексии ядерного социума. “Может быть, в церквях дремлют, благодаря их происхождению в библейской вере, силы разума, в союзе с которыми можно было бы преобразовать мир. Но это произойдет только в том случае, если в церквях не будут ведущими тысячелетние методы, умное приспособление, знающая человека мудрость мирской политики. Если, напротив, высокие слова Библии будут применяться ими только с действительной серьезностью, а не как формулы ... Церковь должна действовать глубже, так, как она притязала на это издавна, на каждого в отдельности. При этом её требования должны стать такими серьезными, такими сильными, ясными, безоговорочными, без приспособления к средним слабостям и злumu в человеке, без предложения облегчающих средств милости, что церковь рискует, что люди покинут её”. По К. Ясперсу, церкви, как и отдельный человек и вместе с людьми, перед ситуацией крайнего должны преобразиться, минимизировать свою политизированность, стремление к мирской власти и меркантильность, показать готовность к самопожертвованию ради спасения человечества.

Из его сравнения в целом хода, методологии и результатов светских и религиозных оценок ситуации атомной бомбы нельзя вывести какие-либо радикальные отличия этих оценок. Пожалуй, светские и религиозные оценки в целом одновременно формируют и повторяют некую общечеловеческую структуру аргументации с небольшими вариациями. К. Ясперс говорил о необходимости в контексте социоядерного “искать язык людей” и о том, что хорошо там, “где благоразумное мышление обретает язык”. Вообще, и подход К. Ясперса с позиций синтеза разума и религии также не лишен противоречий и отражает ту же структуру. Как конкретность, хотя и комплексная, отражает идеал. Но уже эти общечеловеческие тенденции важны. А, может быть, такая близость и устремленность к общему интегральному пределу вообще самое главное.

Симбиоз мышления и действий

“От угрозы тотального уничтожения мы возвратились к размышлениям о смысле нашего бытия, ... требуется радикальное и всестороннее осмысление фактов и мотивов современного бытия и сознания” - писал К. Ясперс в своем фундаментальном труде о человечестве и ядерном оружии. И, по его мнению, “только усвоенное знание может предотвратить беду. Оно делает возможным не только отдельное целесообразное действие, скорее человек преобразует самого себя и свою жизнь так, что его основное состояние духа чеканится заново”.

На активную позицию ориентирует К. Ясперс читателя, подводя его к сложнейшей комплексной социоядерной проблеме, которую, “как особую проблему, нельзя достаточно охватить. Только если человек будет воспринимать проблему как предполагающую его личный ответ и как возможность, данную ему в руки, он может с ней справиться. Если он будет обращаться с ней лишь как с одной из трудностей, он с ней не совладеет”. Важно, по К. Ясперсу, “не только, в общем, высказать само намерение, но и сделать попытку осуществить его”, “найти пути внутреннего поворота, только из которого проистекает правильное действие”.

После второй мировой войны К. Ясперс соединил философию и политику. В контексте ответственности индивида и общества за события в ядерном мире, он писал: “Если сегодня основные факты нашего политического бытия будут открыты, и последствия вариантов поведения разработаны, тогда ответственность ложится на каждого в отдельности, и не в соответствии с его мнением, а через его жизнь”. К. Ясперс в контексте ядерной энергии рассматривал прометеевское начало в человеке. Он же сравнивал поведение страуса и общества, избегающего рефлексии ядерных проблем и необходимых действий.

По мысли К. Ясперса, в ядерном мире мышление и действие, философия и политика имеют потребность встретиться. “Надежда в том, что все люди будут знать об этом, и что это знание будет усвоено и затем возымеет последствия”. Соответственно максимальной задаче книги К. Ясперса, “читатель *должен быть вынужден* (Е.К.: выделено мой), осознаннее снова познать то, что он уже знает, проверить это”. Многократно готова подписаться под словами гения: “Моя надежда на то, что тот, кто пойдет тем же путем, сделает это лучше, не забывая, со своей стороны, о том, что затронуто в данном труде. Такое общее сознание, с его напряженностью, должно стать действительно общим, если мы хотим толково говорить друг с другом, чтобы готовить решения в светлейшем сознании и находить их в широчайшем горизонте”.

Потенция к развитию

Книга К. Ясперса - это, пожалуй, первая крупная и эффективная попытка не только этически, не только исходя из расширенной философской проблематики, но и в ином гуманитарном ракурсе, из гуманистических побуждений, соосмыслить человечество и военный аспект феномена ядерной энергии. Замечу, - важную, но всё же лишь часть проблемы соосмысления и управления ядерным миром в целом. И эта часть ныне уже требует корректировки в связи с новыми условиями "второго ядерного века". Одновременно видны другие "недостатки" книги: она написана давно, нет анализа многих общецивилизационных связей, не отражено появление ядерной энергетики и новых вызовов обществу, не было еще эпохального Чернобыля, многие социальные процессы с тех пор существенно трансформировались или породили новые (в частности, - сепаратизм, экстремизм, терроризм). Подъем человеческого в человеке в 50-е годы прошлого века, как контрастная реакция на античеловеческое в годы второй мировой войны, когда по К. Ясперсу, “совесть просыпается во всем мире” и “человек отвечает на событие как

человек”, вряд ли сейчас, не для фазы общечеловеческих потрясений, присутствует. По крайней мере, - человеческий позитив сейчас воспринимается не столь эмоционально, выражен не столь ярко и бурно, “внедряется” в общественное сознание не столь активно, слабо противостоит (особенно в России) целенаправленной пропаганде безнравственности, насилия, безудержного потребительства, эгоизма и других не самых лучших свойств человека. Ко времени работы К. Ясперса над книгой не успел еще сформироваться многогранный, во всей необходимой для исследований полноте, общекультурный отклик как конгломерат мнений различных слоев общества на ядерное бытие. Кроме того, время работы над книгой вообще не могло позволить, как требуется для объективности и по принципу “большое видится на расстоянии”, смотреть на феномен в исторической ретроспективе, как бы со стороны. Поэтому сейчас и в будущем необходимы дополнительное осмысление и многократный возврат к тематике.

Сто лет назад началось понимание ядерной энергии, трансформировавшееся сразу в проекты бомб и энергетики, хотя по началу и несовершенные. Пятьдесят лет назад К. Ясперс впервые, после демонстрации военно-политического ядерного потенциала, комплексно попытался осмыслить феномен. Давно, похоже, не было новых крупных подобных шагов. А зря.

Тезисы и путь других исследователей

Мартина Хайдеггера

Именно в связи с характеристикой “атомного” века М. Хайдеггер подробно и образно рассматривает такие негативные аспекты, как вычисляющее мышление, а не осмысляющее, утрата человеком духовных корней, чрезмерный оптимизм относительно возможностей науки и техники, их влияния на прогресс человечества. Оценивая “атомный” социум, ...“мы остаемся максимально далеко от осмысления нынешнего века...подумать-то мы и забыли”. Не химия или атом, а восприятие человеком научно-технических новшеств “не думая”, - вот по М. Хайдеггеру главная причина надвигающейся на человечество опасности. Решительно и непрерывно осмысливать явления в комплексе факторов, а не только высчитывать пользу - в этом он видел путь спасения.

Интересна сопряженность этих мыслей М. Хайдеггера с иными волновавшими его проблемами и образами (“бытие” и “время”, “конец”, “смерть”, “истина”, “воля к воле”, “воля к власти”, “мир”, “война”, “Земля - метущаяся планета”, “ужас - потенциал нашей экзистенции”, “человеческая воля” – “техника” – “терзание земли”, “гуманизм не на должной высоте”, “границы возможного”, “сверхчеловечество” и “недочеловечество”). Эти проблемы и образы подчеркивают фундаментальность сосуществования людей и ядерной энергии. Одновременно они оттеняют аспект ядерной амбивалентности. И все же, М. Хайдеггер оптимистичен: “Техника не может быть базальной опасностью для человечества, потому что там, где существует опасность, там, естественно, присутствует спасение”. В категориях Хайдеггера и в контексте риска и будущего оценивает информационную деятельность в ядерной сфере S. Vettenranta. К Хайдеггеру обращаются авторы книг “Hiroshima Traces” и “America’s wars in Asia”. М. Хайдеггер в связи с термином “техника” призывает нас осмысливать ее приоритеты в разных странах и у разных наций, причем именно при переходе от науки к технике этот философ активно рассматривает проблему “воля к воле”.

Зачастую феномен ядерного антропотехноса воспринимается людьми как что-то ускользающе-тревожное, имеющее огромное влияние на человечество, но существующее

уже во многом само по себе. По аналогии, видимо, с метафизически-трансцендентальным (труднопостижимым-трудноуловимым) Сущим М. Хайдеггера. Дело доходит до крайности. По А. Штейнзальцу, ядерные технологии относятся к числу тех вещей, о существовании которых лучше не знать. Поэтому важны оттенки того, как М. Хайдеггер отмечал особенность нового мира техники. Его достижения поверхностно и быстро становятся известны и первоначально привлекают всеобщий интерес. Все могут что-то по этому поводу прочитать или услышать. Но одно дело услышать или прочитать, то есть просто узнать что-то, другое дело - осознать, то есть осмыслить то, что мы услышали или прочитали, тем более, что "идея технического мира завуалирована от нас". Сущность человека, по М. Хайдеггеру, заключается в способности размышлять. Дело в том, напоминает нам этот философ, чтобы спасти эту сущность человека, чтобы поддерживать размышление.

"Современный человек, - писал М. Хайдеггер, - старается спастись от рефлексии, а такой модус денотирует бездумность, а когда человек бежит от рефлексии, то он не желает признавать этот фактор, он отрицает свое бегство, он аффилирует прямо противоположное, он полагает, что имеет для этого основание, он пускает в ход свою ловкость и полагает, что его акты бегства являются прагматичными и утилитарными".

Эриха Фромма

Э. Фромм многократно прибегает к примерам ядерного бытия при разработке антропологической темы. Современное положение человека (переключки с "современным состоянием" К. Ясперса), условия технологического общества, расхождение между техническим интеллектом и разумом, способы мышления, повиновение людей сумасшедшим социальным идеям, альтернативы человечества в контексте бесконтрольного развития техники - угроза разрушительной ядерной войны. Политико-психологические особенности восприятия людьми реальности, проблематика надежды, дилемма "быть или иметь", качество информации для социальных дискуссий при принятии решений - гонка ядерных вооружений при манипуляции сознанием. Вот некоторые из сопоставлений этого автора.

Физиков, трансформировавшихся в философов

При интерпретации ядерного феномена полезно будет проанализировать путь и мотивацию поступков ряда ученых. Среди них, несомненно, должны быть А. Эйнштейн, В. Гейзенберг, М. Борн, Р. Оппенгеймер, Л. Мейтнер.

В книге "Die Philosophie der Physiker" показана история обращения выдающихся физиков к философии, вызванного "кризисом" физики на грани веков XIX и XX и далее, когда стройные научные системы стали не соответствовать новым экспериментальным фактам и гипотезам. Цитата: "А. Эйнштейн дал обоснование того, почему он и его коллеги не могут оставить философию философам. В то время, когда физики обладали твердой несомненной системой, это было бы, может и нормально, но не в то время, когда весь фундамент физики стал проблематичен. Только физик сам знает лучше, где ему жмет ботинок".

А. Эйнштейн отмечал, что понимание атома, возможно, проще понимания детской игры (цитирую по И. Мальковской). Ему же принадлежат слова: "Когда мы расщепили атом, мы изменили все в мире, кроме человеческого сознания ... таким образом мы дрейфуем навстречу катастрофе".

Необходимость революции в моральных принципах и политическом мышлении как условия существования человечества в ядерном мире отстаивал М. Борн. Ему же была присуща деятельность в связи с социальными, экономическими и политическими аспектами науки. "В настоящее время только один страх вынуждает людей сохранять мир. Однако такое положение неустойчиво и должно быть заменено чем-то лучшим. Нет необходимости искать где-то далеко принцип, который мог бы стать более прочной основой для устройства наших дел... В нашей части мира этот принцип содержится в христианской доктрине" (цитирую по А. Меню).

Ф. Франк разделяет мнение E.D. Canham: Хиросима - символ конца самоуверенного материализма, посредством атеизма и рационализма бросавшего вызов духовным откровениям Библии, и индикатор того, что естественнонаучная мысль после атомной бомбардировки должна быть ориентирована в новых понятиях взаимной зависимости мировых явлений. "Не материал, взорвавшийся в бомбе... согласно правилам физики XX века..., ответственен за получившееся в результате взрыва, а люди, угрожающие друг другу так, что исследования, производство и военные операции следуют за этим как результат человеческих усилий" (Ф. Франк).

Трудности ядерного сдерживания - "странной стабильности" – после обдумывания цепочки трагических событий – мировая война, Манхэттенский проект, Хиросима и Нагасаки, ядерные аппетиты политиков и военных США в пятидесятые годы прошлого века – видел Р. Оппенгеймер. Он понимал беспокойство этого "опасного мира", когда бросить ядерный "кнут" равносильно самоубийству. С другой стороны, когда возникает соблазн начать первым превентивную ядерную войну "пока не слишком поздно". Начать, по собственному мнению Р. Оппенгеймера, "только для того, чтобы выяснить, что время для такого удара уже прошло". Опять же не случайно эти достойные и выстраданные мысли "отца" атомной бомбы США взяты А. Wenger эпиграфом книги по истории "холодной войны".

Возможно, лишь конкретные исторические условия и американские "ястребы" начала ядерной гонки лишили Р. Оппенгеймера шанса предвосхитить путь полной нравственной трансформации, который позже выпал на долю А. Сахарова. Несоразмерностью научно-технического, духовно-нравственного и политического развития в 50-60-годах прошлого века и надеждами на исправление этого несоответствия были обусловлены утверждения А. Эйнштейна и Б. Рассела о ядерной войне как угрозе самому существованию человечества и их известные инициативы по укреплению мира. А также деятельность М. Борна и "18 геттингенцев", появление журнала "Атомный век" ("Atomzeitalter").

Л. Мейтнер - ученый с непростой профессиональной и личной судьбой, сооткрыватель положенной в основу ядерного оружия и ядерной энергетики реакции деления урана-235 под действием нейтронов, вынужденная из-за преследований евреев покинуть нацистскую Германию, отказавшаяся в свое время от лестного и прибыльного предложения участвовать в создании американской бомбы - удостоилась посмертно достойной и поучительной для исследователей надгробной надписи: "Физик, никогда не терявший своей человечности".

В Германии в 50-60 г.г. прошлого века именно в связи с началом развития атомной промышленности, активно поддержанном государством, и в журнале "Атомный век" была инициирована дискуссия о технократическом обществе (модель "Техногосударства"). Тогда философы выступили против однобоких оценок ситуации со стороны технократов. Но, к сожалению, это не предотвратило, например, "корпоративного сговора" в ядерной

энергетике Германии. В результате чего, перспективная и наиболее безопасная, как показало время, концепция реактора не была реализована (G. Rorohl).

3. Англо-американские и другие исследования

Приведенные примеры философской рефлексии феномена ядерной энергии в немецкой традиции являются примерами из прошлого, 50-60-х годов XX века, когда закладывался фундамент такой рефлексии. Позже в разных странах развивается дальше понимание того, что ядерные материалы и технологии открыли новую эпоху. Обозначили новые пространственные, временные, энергетические параметры (J. Garrison). Опыта выработки адекватной изменившимся условиям модели социального поведения мало. Старые рефлексивные подходы могут оказаться неэффективными.

Фундаментальные религиозно-ядерные аспекты

Библейский Апокалипсис многие образно отождествляют с Хиросимой, Нагасаки и Чернобылем. Существует, кроме того, частное мнение, что Хиросима повторила судьбу Содомы и Гоморры. Военное и гражданское применение ядерной энергии породило массу морально-этических проблем. По О. О'Donovan (цитирую по N. Biggar) "человеческая претензия на суперчеловеческий контроль", попытка владеть ядерным оружием вне моральных рамок сопоставимы с библейским устремлением стать равным Богу и понятием первородного греха.

Теолог, философ и политолог J. Garrison анализирует ядерный феномен в системе христианских традиций и символов. Вот лишь некоторые из них: суть Бога в контексте добра и зла, эсхатология, религиозная мораль, устремления человека к самосовершенствованию. Показательно название книги J. Garrison "Тьма Бога: теология после Хиросимы" (J. Garrison. *The Darkness of God: Theology after Hiroshima*). Таким увидел автор религиозное сознание, а также насущные задачи теологии после потрясшего мир события. J. Garrison и H. Wieman считают, что "бомба, упавшая на Хиросиму, подобно ножу разрешила историю на две части...Этот разрез более резкий, решающий и революционный, чем разрез, сделанный звездой над Вифлеемом...И это принуждает иудео-христианскую теологию мобилизовать всю глубину человеческого опыта". J. Garrison противопоставляет в контексте исцеления и спасения 6 августа Хиросимы и Библии (день Преображения Христа). Он же воспроизводит мнение одного из религиозных деятелей, очевидца ядерного удара, P. Arrupe о Хиросиме как символе застывшей вечности (остановившиеся часы).

I. Chernus солидаризуется с мнением J. Hillman: "Бомба может быть проявлением теневой стороны библейского монотеистического Бога, призывающим по аналогии с Ноем и потопом не к смерти, а к радикальной трансформации в наших душах. И снова здесь теневая сторона Бога проявляется не в образе отдельной дьявольской фигуры, а как часть архетипа". Аналогично с позиций дуализма Бога и необходимости трансформации нашего сознания подходит к интерпретации трагедии Хиросимы и Нагасаки J. Garrison. По J. Garrison, Хиросима представляет эру новых измерений человеческой силы и переосмысления Бога.

По J. Garrison его утверждения, что Хиросима представляет эру новых измерений человеческой силы и одновременно указывает на тьму Бога, творящего в распятом Христе (в контексте возможности допущения зла), дополняют друг друга. Автор, исследуя историческое событие – ядерную бомбардировку Японии, и тот кризис, к которому это может нас привести, базируется на глубоком анализе религиозных и психологических

концепций, ссылается на Н. Бердяева, И. Канта, экзистенциальную метафизику. Базируется на анализе Бога и человека с позиций их сотворчества. Бог и человечество по J. Garrison рационально когерентны в едином событии. И J. Garrison, представляя свою позицию в книге “Тьма Бога...”, отождествляет свой подход к ядерным проблемам с ощущениями человека, осознавшего, что, возможно, он один из тех, кто относится к последнему поколению человечества вообще. По J. Garrison, Хиросима мотивирует искания динамизма в представлениях о Боге и человеке, активизирует антропологический характер религии с целью спасения.

J. Garrison цитирует слова Н. Wieman: “Иисус разбил атом человеческого эгоизма”. J. Garrison считает, что именно христианство способно решить проблему интерпретации ядерного феномена, так как миссия Христа – объединять людей в любви друг к другу. Отсылая к истокам христианства, J. Garrison подчеркивает его способность к трансформации и надеется на аналогичную способность массового общественного сознания. Чтобы понять Хиросиму, надо по J. Garrison (и он обозначает в этом общность с идеями Н. Wieman) принять два уточнения о Боге. Первое: Бог – это Бог всех возможностей, добра и зла. Второе: расширенные возможности проявления Бога реализуются через человека. J. Garrison обращает внимание на важность и сложность задачи трансформации общественного сознания в связи с ядерным феноменом: “Если мы должны быть спасены в рамках концепции Бога, мы должны поменять сознание и сделать это будет так же сложно, как поверить в Христа 2000 лет назад”. В своей книге и в свете своих идей J. Garrison тщательно анализирует также психологию человека, вслед за С.Г. Jung не пренебрегая и светской философией, филологией, антропологией и другими науками. Один из его результирующих тезисов: “Хиросима гуманизировала (Е.К.: в смысле перевела в разряд человеческих возможностей) эсхатон, так как наша технология и наше сознание дали нам силу абсолютного разрушения”. Много аналогий с такими мыслями имеет позиция I. Chernus.

Почему человечество подошло к грани существования в связи с возможностью ядерного уничтожения? J. Garrison считает этот вопрос самым главным вопросом современности. Ответ, по его мнению, следует искать в сфере индивидуального и общественного сознания, анализируя мировоззрение людей. Это мнение он подкрепляет ссылкой на приведенную ранее цитату А. Эйнштейна (“Когда мы расщепили атом, мы изменили все в мире, кроме человеческого сознания ...”); добавим ссылки и на аналогичные мысли М. Хайдеггера, К. Ясперса, В. Вернадского, А. Сахарова и других).

Важность и сложность ситуации в комплексе аспектов настолько велики, что J. Garrison называет всю предшествующую историю человечества (по крайней мере – историю христианства) лишь подготовкой к проверке в условиях “момента истины” ядерной реальности. Он приводит мнение К. Barth, не опровергая его, что само существование ядерного оружия является угрозой сути христианства. По I. Chernus, атомная бомба “чрезвычайно емкое явление – более емкое, чем понятие Бога ” и “бомба мотивирует к бесконечным комбинациям фантазий, она заменяет Бога Отца как центр нашей культурной структуры, побуждая к разрушению самого феномена Бога”.

Более того, важность и сложность ситуации, по К. Barth и J. Garrison, подчеркивает то, что лидеры христианства в рамках существующих концепций, например добра и зла, не могут однозначно определиться в общечеловеческом контексте относительно ядерного оружия. Хотя, например, с 1960г. по 1980г. разные церкви опубликовали ряд документов по проблеме и даже поддержали некоторые ядерные программы. В этом один из смысловых концептов названия книги J. Garrison “Тьма Бога...”. По J. Garrison человечество в связи с Хиросимой должно переосмыслить себя и Бога, а “тропа мудрости, на которую

направляет нас вызов Хиросимы, - на благо самой жизни” (Е.К.: масштаб сопоставлений и задач!). Аналогично видят роль Хиросимы в качестве глобальной грани по отношению к истории религиозной и светской философии К. Ясперс и G. Picht. Они в таком же ракурсе рассматривают Хиросиму и Освенцим (Auschwitz).

Хиросима, Нагасаки и Чернобыль - это теперь для нас и потомков жестокие уроки добра и зла, силы и слабости. Многие считают эти события еще и совместным проявлением небесного и земного. J. Garrison солидарен с мнением C.G. Jung: “Человеческая природа способна на неопределенное количество зла; и зло, и добро одинаково реальны ...Сегодня как никогда важно, чтобы люди не пренебрегали опасностью, бурлящей внутри них”.

По C.G. Jung, атомная бомба является символом антихриста (цитирую J. Garrison, собственное мнение которого прямо противоположно – атомная бомба от Бога). Плутоний назван по ассоциации с именем античного бога ада Pluto. И не случайно. Чем дольше исследовали этот рукотворный химический элемент, тем полнее авторы названия и “отцы” плутония узнавали его дьявольские, по мнению J. Garrison, свойства.

R.J. Lifton описывает историю буддийского священника, пережившего ядерный взрыв и пришедшего, как и многие другие hibakusha, к пониманию своей особой миссии. Этот священник с течением лет почувствовал необходимость внести свою формулировку в буддистскую мысль относительно ядерного оружия, и пришел к тому, чтобы соотнести атомную бомбу с концепцией maui – состоянием потерянности человека. Он рассматривал бомбу “как выражение факта, что человеческие существа были в темноте, неспособными найти свет правды” и “крайней индикацией того, насколько сильна была эта maui”. Ссылаясь на буддистские концепции “элементов зла”, он пришел к выводу, что “атомная бомба упала в то время, когда мир наиболее удалился от Будды и впитал в себя элементы зла как максимум выражения maui”. Его трактовка была схожей с традиционной буддистской доктриной: “Человек должен вернуться в лоно правды, основной задачей человека является избавиться от приложений зла”. “Нам не следует быть всецело озабоченными Хиросимой”, - проповедовал священник,- потому что “главным является преодолеть внутри нас это приложение зла”. Хотя сам он ранее участвовал в пацифистских движениях, затем он критиковал их, так как “они реально не противостоят maui”, и подчеркивал, что “индивидуальное восхождение к правде является существенным для любого пацифистского движения”.

Налицо, как правило, в связи с проблемой ядерного феномена, попытка проникновения в духовно-нравственные глубины человека в увязке с глубиной религиозного знания. Очевидна в контексте задачи самосовершенствования человека схожесть подходов к трактовке феномена Хиросимы цитируемыми представителями христианства и буддизма. С другой стороны, Индия и Израиль на базе сложнейшего символизма выверяют свою ядерную дипломатию по тысячелетним традициям и понятиям, изложенным в религиозно-философских канонических текстах. Выверяют без настойчивых и явным образом сформулированных упоминаний о необходимости в связи с ядерной энергией переосмысления религиозных канонов и человека (Ethics and weapons of mass destruction: religious and secular perspectives).

Ядерные проблемы социального сосуществования и природы

Ядерные социальные проблемы и задачи гуманитарных наук связаны в речи К. Аннана на конференции "The Second Nuclear Age and the Academy" (Нью Йорк, 2000). По его словам, необходимо обеспечить "критическую массу политической, интеллектуальной и народной поддержки" решения этих проблем.

Уже в пятидесятые годы прошлого века в университете Осло действовал научный семинар по проблемам ядерного мира. Р. Кент анализировал общественную жизнь времен серьезного ожидания внезапного ядерного удара. Ныне аналогичные мысли звучат в книгах "America's wars in Asia" и "The victim as hero: ideologies of peace and national identity in postwar Japan". В Японии (America's wars in Asia) атомную бомбу воспринимают двуликим Янусом. Часто в ядерном контексте встречается мысль Сенеки: "Не гордись тем, что имеешь власть над жизнью и смертью. Чем пугаешь других, тем и будут грозить тебе". Проблемы мира в ядерном настоящем В. Коши относит к фундаментальным вопросам философии: "Что должны мы делать для того, чтобы предотвратить превращение ужасающей возможности ядерного конфликта в реальность? Если философия стремится иметь дело с фундаментальными вопросами, то это один из тех, которых нельзя избежать, не прибегнув к крайней софистике". Философской основой ядерного сдерживания на Западе является одно из направлений философии морали - консеквенциализм. Но, конечно, как напоминает D.P. Laskey, чтобы правильно понять ядерный феномен одной философской рефлексии недостаточно. Необходим, как и при формировании общественного сознания, также хотя бы минимум представлений о политической, экономической, научно-технической и другой информации по теме.

J. Garrison, вслед за К. Ясперсом, применяет методологию исторических параллелей и образов. Апокалипсис, Гитлер как конкретно-историческое воплощение Антихриста и более раннего дохристианского образа древнегерманских религий (Wotan) - ядерное оружие. Вот в понимании J. Garrison экстремальные феномены. И первые в совокупности, не имея непосредственной связи с ядерным оружием, показывают его опасность в определенных условиях, обусловленных свойствами человеческой природы.

Как считает I. Chernus, гипотетический ядерный апокалипсис позволяет лучше понять и другие негативные глобальные явления. Авторы книги "Морально-этические нормы, война, окружающая среда" настойчиво повторяют, что практически одновременно в 1945 году актуализировались проблемы ядерного оружия и перенаселения нашей планеты, признаки общепланетарного экологического кризиса. С появлением ядерного оружия обозначилась необходимость в новых эколого-культурных ракурсах рассматривать понятие "окружающая среда" (естественная и антропогенная). Перечисленные факторы, особенно обобщенные до символов катастрофы, взаимно усиливают друг друга и характеризуют начало самого ответственного периода в истории человечества. Arctic Monitoring and Assessment Programme (АМАР) среди десяти приоритетов первыми и важнейшими выделила два, связанных с будущим ядерных технологий.

Форсированное освоение ядерной энергии, появление и развитие ядерной энергетики вызвали к жизни образ глобальной опасности и научные исследования проблем риска, в том числе и методами социальных наук. С другой стороны, исследования риска стали предметом общественного интереса. Дифференциация по степени продуцируемого обществом риска была даже положена в основу одной из парадигм теоретического анализа социума (У. Бек, Г. Бехман, 2007). J. Garrison приводит аналогию: "Если бы римляне построили реактор во времена Иисуса, мы бы все еще хранили их отходы. Со всем хаосом истории, какова была бы гарантия социальной стабильности и контроля?"

Кроме того, К.-О. Apel и S.J.Cimbala справедливо указывают на существование границ и тупиков в позиции ядерного сдерживания, а также на возможность спонтанно полностью потерять контроль над ситуацией в условиях современной политической, технологической и особенно информационной динамики. Объем и качество базовой для принятия решений информации, дискурсивная этика кризисного менеджмента становятся приоритетом. К

Ясперс и D.P. Laskey напоминают, что принципы ядерного сдерживания имеют серьезный недостаток. Они противоречат, например, пункту 2(4) Устава ООН в части неприменения даже угрозы силы. А факт бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, к слову, противоречит пункту 51 Женевской конвенции, правда более поздней, чем японские трагедии.

Сомнения в действенности мирового порядка, основанного на балансе сил, высказывал еще И. Кант, сравнивая такой мир с домом Д. Свифта, который был построен в таком безупречном соответствии со всеми законами равновесия, что воробей, севший на крышу, привел к его полному обрушению. “Я со своей стороны, - писал И. Кант, - доверяю теории, которая исходит из принципа справедливости относительно того, какими должны быть отношения между индивидуумами и государствами”. Да, опасения И. Канта имеют под собой почву. И не случайно D.P. Laskey взял эти высказывания эпиграфом к своей книге о морали ядерного оружия. Он же предлагает достижения философии морали И. Канта (например, тест и категорию желаемого всеобщего универсального закона И. Канта) широко применять в оценках ядерного оружия.

Изучение социально-философских проблем ядерной сферы не обязательно сопряжено с глубоким знанием ее научно-технического базиса. Х. Гастерсон, например, не будучи специалистом в вопросах ядерной физики и техники и сознательно по ряду серьезных военно-политических причин отчуждаясь от сути "техно", тем не менее достаточно успешно исследовал общественное сознание и сторонников, и противников деятельности Ливерморской национальной лаборатории США (крупнейшего центра в области разработки ядерного оружия), а также просто людей, судьба которых - соседствовать с таким комплексом. Х. Гастерсон отмечал, что среди американских специалистов, занимавшихся разработкой ядерного оружия, обдумывание сопутствующих этических проблем было достаточно распространено, но носило в основном индивидуальный характер - социализированного индивидуализма и коллективного ухода в приватность. Это сродни вдумчивому чтению серьезных литературных произведений. Он же приводит примеры дифференциации "ядерного" общественного сознания по отдельным группам населения. I. Chernus понимает необходимость не только рационального подхода к проблеме: “Научные исследования подтверждают нашу интуицию, что никакое количество эмпирических данных никогда не сможет полностью предсказать последствия крупномасштабного ядерного "обмена". Даже если бы наука смогла достигнуть совершенной точности, сомнительно, что мы бы смогли принять ее находки на чисто literalном уровне”.

D.P. Laskey подчеркивает особенности национального менталитета, когда многие уверены в исключительности своего народа в контексте каких-либо положительных моральных качеств. P. Keable напоминает о неприятии населением Океании европейских систем мышления применительно к испытаниям ядерного оружия. J.J. Orr, L. Yoneyama и I. Chernus отмечают изменение менталитета японцев с послевоенных до семидесятых годов прошлого века (при целенаправленной политике государства, в том числе в сфере образования), когда нация не только отказалась от милитаристских и колониальных устремлений в пользу научно-технического и экономического прогресса (допустим, что такое возможно в короткие исторические сроки и надолго), но и стала забывать, что Япония была в числе виновников второй мировой войны, оставляя только концепт жертвенности и рождая удобный миф, объединяющий страну. По L. Yoneyama, амнезия японцев быстро стала далеко проникающим глобальным культурным течением, которое не может не беспокоить. Антияпонские выступления в Китае и других странах региона в апреле 2005 г. в ответ на попытки Японии переписать историю - тому подтверждение.

J. Garrison вводит понятие “плутониевая культура” и сопоставляет его с тревожной способностью общества, общественного сознания воспринимать опасные технологии. Он же напоминает о “кризисе сознания” и “будущем шоке” по А. Тоффлеру, когда знания превосходят нашу способность вместить их в себя. Формирование общественного сознания применительно к ядерному феномену актуально, обладает принципиальной новизной и имеет серьезные методологические особенности. Имея в виду, что создаваемая сейчас, соответствующая отрасль будет напоминать о себе человечеству десятки и сотни тысяч (!) лет. D.P. Lasky напоминает, что осмысление принципов войны, например, имеет более чем 2300-летнюю базу интеллектуальной человеческой истории. По J. Garrison, атомная бомба внезапно представила человеческому сознанию альтернативные направления, которые никогда ранее не рассматривались. Хиросима поставила нас перед вызовом радикально изменить курс либо столкнуться с планетарным катаклизмом.

D.P. Lasky применительно к ядерному оружию констатирует, что большая часть дебатов по проблеме посвящена рискам развития систем такого оружия и его применения. Но, тем не менее, он считает базу и для моральных обсуждений изначально существующей. Причем, как показал уже единичный опыт Х. Гастерсона, даже относительно частного случая - ядерного оружия - морально-нравственные оттенки при обсуждении феномена ядерной энергии многогранны по аспектам и факторам, многовекторны по результатам.

В книгах “America’s wars in Asia”, “Hiroshima Traces” и “Nuclear Madness” атомную бомбу рассматривают в контексте глобальной культуры и мировоззрения. R.J. Lifton и E. Erikson феномен hibakusha изучали в контексте психически-исторического процесса и в рамках японской и общемировой культур. I. Chernus выделяет уже наметившиеся этапы культурного осмысления ядерного феномена и тенденции изменения этого осмысления. S. Stephens напоминает, что при взаимодействии с ядерным феноменом могут выпадать отдельные звенья из культурных традиций народов. I. Chernus приводит мнение J. Hillman о возможности культурного паралича по отношению к феномену ядерного оружия. С последними, видимо, не стоит соглашаться. Люди должны знать, что, действительно, с созданием ядерных технологий впервые на Земле появилось средство, гипотетически опасное для самого существования человеческого рода. Однако, одновременно, оно предоставляет надежду на выживание.

Ядерный феномен имеет глобальное значение для человечества в контексте жизни и смерти. Если по J. Garrison “Хиросима гуманизировала эсхатон”, то мы должны гуманизировать ядерный феномен, ядерное человечество. Тем более, что обозначен “второй ядерный век”. Для этого нужно иметь информационно-культурную базу с учетом национальных и интернациональных гуманистических традиций в духовных сферах – философии, религии, искусстве, литературе и других. I. Chernus пишет: “Если наше сумасшествие - ядерное ли, экологическое или культурное – разыгрывается публично, то и меры противодействия ему должны быть публичными, прежде всего политическими. Но обычные политические подходы к пониманию и решению ядерной дилеммы...должны сопровождаться новым психологическим и религиозным измерением”. M. Douglas выделяет дискриминационные принципы принятия решений по экологическим проблемам, которые отражают структуру общества: время, деньги, Бог, природа. Она отмечает недостаточность моральной компоненты в этих принципах и предлагает религию в качестве аналогии тому, как решать вопросы доверия к оценкам экспертов-экологов.

П. Тейяр де Шарден, один из авторов идеи ноосферы, главными постулатами своих рассуждений считал сопряжение концепций атома как бесконечно малого центра самого мира и бесконечно больших звездных масс, развития небесных тел и антропогенеза, физической и духовной энергии. Э. Кассирер (“Опыт о человеке”) на примере такого

символа, как атомный номер элементов, разъясняет, в контексте “умения знать” и “умения видеть”, отличия науки и искусства в описании действительности, более разнообразные по оттенкам и нацеленности на открытия (по сути этого понятия) потенциальные возможности искусства.

Приведу пример симбиоза профессий и поддержки исследований естественнонаучными и гуманитарными фондами. Профессор философии и биологии К. Shrader-Frechette - специалист в области радиационной физики, обращения с радиоактивными отходами, популяционной биологии, нормативной этики и оценок риска - имела грант NSF (Национальный научный фонд США) и NEH (Национальный фонд поддержки гуманитарных наук США) свыше 220 тысяч долларов на исследования этического-методологических проблем радиационной физики.

Бесчеловечное в человеке и ядерная энергия. Такое сопоставление сейчас отчетливо выдвигается на первый план. “Влюбленное в экологию поколение мучилось «выходом из ядерной эпохи» и вот, само того не ведая, оказалось перед горизонтом, к которому еще труднее подступиться, чем к тому, откуда они собирались изгонять демонов. Снова приходится мыслить невыносимое, оставить эру водородной бомбы, чтобы вступить в эпоху бомбы человеческой” (А. Глюксманн, цитирую по П. Гуревич).

П. Слотердаик анализирует ядерный феномен в контексте цинизма как эмблемы современности. “Особую роль в «Критике цинического разума» играют размышления об атомной бомбе. Слотердаик считает, что атомная бомба является наивысшим иррациональным результатом технической рациональности Запада. Он предлагает медитацию над бомбой в качестве рефлексии безмерности человеческой деструктивности в современном мире. Слотердаик пишет: «Бомба ни на грамм не злее чем действительность и ни на волос не деструктивнее чем мы. Она лишь наше продолжение, материальная репрезентация нашей сущности... Бомба не требует от нас ни борьбы, ни безропотного смирения, но опыта самопознания. Мы и есть она. В ней — свершение западного Субъекта». Бодрийяр заметил по этому поводу: «Истинная ядерная катастрофа — не удел будущего, потому что она уже произошла. Она осмотически проникла в реальность. Мы уже нуклеаризированы, атомизированы». Современный человек включен в повседневную метафорику бомбы и взрыва. Например, принято говорить о «взрыве» ярости. Быстрая смена событий выглядит как «цепная реакция». Пламя любви едва заметно на фоне бесчисленных «секс-бомб». Даже купальный костюм бикини был назван в честь атолла, где США проводили испытания ядерного оружия. Томас Махо предлагает мыслить атомную бомбу исходя из хайдеггеровской четверицы. Бомба — земля: атом — универсальный строительный кирпичик материи. Бомба — небо: Оппенгеймер, при испытании ядерной бомбы, вспоминал строки Бхагаватгиты о «вспышке тысячи солнц, разверзших небо». Бомба — божества: для Слотердайка, «атомная бомба есть действительный Будда Запада, совершенное, суверенное устройство... наичистейшая действительность и чистейшая возможность» (цитирую по И. Смирнову).

В Осло в 1999 г. на сессии "World Commission on the Ethics of Scientific Knowledge and Technology", UNESCO был озвучен красивый симбиоз мифов. Один из участников, профессор - астрофизик, сказал: "Научные, философские и концептуальные рассуждения относительно этики энергии можно охватить тремя образами. Прометей, который украл огонь и подарил его людям. Фауст, вступивший в сделку с дьяволом, чтобы покорить природу. Франкенштейн, в случае которого вина человека не столько в том, что он создал искусственное существо, а в том, что оставил его". Там же другой участник призвал философов объяснять обществу социальную среду, в которой действуют разные сферы энергетики, в контексте времени, потенциальных рисков и различных стартовых условий

анализировать экономические и политические справедливые формы их сосуществования. Не стоит нам, видимо, по крайней мере, терять душу и оставлять без внимания и осмысления содеянное и задуманное людьми в ядерной сфере.

4. Советско-российский опыт

Для философов России и стран СНГ тема стала доступной, в основном, лишь в 90-е годы прошлого века. Что не могло не сказаться, как минимум, на количестве соответствующих публикаций. Отсутствуют монографии русскоязычных авторов, отдельные ядерно-философские аспекты затронуты лишь в разрозненных статьях и тезисах докладов. Философы на постсоветском пространстве сейчас, похоже, большей частью в стороне от ядерных проблем социума, "держат паузу". Практически нет и переводов на русский язык зарубежной литературы по теме. Такая же ущербность российской информационной картины отмечена, например, в сфере социологических исследований общественного мнения в России и Японии относительно развития ядерной энергетики (А. Дронишинец). Только на базе русскоязычных публикаций мне трудно было бы выполнять исследования - это стало ясно уже на первых этапах работы. Тем не менее, изучать русскоязычное информационное пространство плодотворно.

Рефлексия ядерного оружия

Накопление стихийных последствий человеческой деятельности С. Крымский сопоставляет с неизбежностью демонической силы. Он говорит и о "бездне космического масштаба, развернувшейся ходом использования термоядерной энергии", и о восприятии А. Эйнштейном ядерного оружия как "проклятия человеческого рода", и о бездне "атомного Армагеддона", в которую заглянул А. Сахаров.

А. Ярошинская напоминает о предостерегающей динамике образа ядерных часов американского журнала "Бюллетень ученых-атомщиков". Стрелки которых с 1945 г. по настоящее время показывают периодически степень приближенности человечества к бездне, балансируя внутри отведенного людям последнего часа до "ядерной ночи".

Многие уподобляют ядерные технологии Дамоклову мечу. Профессиональные в прошлом ядерщики-оружейники В. Михайлов и С. Брезкун, ныне проявляя себя в гуманитарных науках (Институт стратегической стабильности Росатома), обращаются к образу богини справедливого возмездия Немезиды с атрибутами меры - весами, наказания - мечом, быстроты и неотвратимости - колесницей, запряженной грифонами, контроля - уздой. Они же в двухтомнике "Добро или зло?" на основе исторического подхода исследуют философию стабильного ядерного мира, анализируя природу тысячелетних понятий, обращаясь к авторитету от древних до современных мыслителей. В Федеральном ядерном центре "ВНИИЭФ" разработчиков ядерного оружия ассоциируют с серафимами. Или - с "апостолами атомного века" (Ф. Щелкин: о шести ключевых действующих лицах советского Атомного проекта). В. Визгин сообщает о совместной попытке ветеранов советского атомного проекта, историков и методологов науки, а также "чистых гуманитариев" обсудить предысторию ядерно-оружейных программ, особенности "сороковых роковых", этос ученого-ядерщика и многообразие этических проблем, связанных с созданием ядерного оружия. Этой же теме посвящены симпозиумы HISAP.

Н. Моисеев является одним из идеологов реализации нравственного и экологического императивов как основы будущего устойчивого развития человечества (в том числе и соответственно решениям конференции Рио-92). По его мнению, судьба России, например, наряду с претворением в долгосрочной перспективе этих требований времени в жизнь, -

выживать самой и способствовать выживанию других стран, прежде всего, за счет ядерного сдерживания, а уж затем с помощью своих природных и географических ресурсов, а также исторического опыта сосуществования с мусульманским миром. Н. Шмелев приоритетом России считает "умеренный, конструктивный изоляционизм" на основе ядерного сдерживания глобальных и компактного обычного военного сдерживания локальных угроз. С. Кортунов отмечает и более радикальную трактовку ядерного сдерживания, имеющую место в позиции одной из политических партий России. Эта трактовка предусматривает обеспечение условий для обладания ядерным оружием дружественными государствами. Совсем не обязательно, заключают Л. Коваль и А. Дубнов, гегемония США или какой-то другой страны приведет к общепланетарной идиллии безъядерного мира.

Н. Кормин и Е. Турлак отмечают, что социальная мотивация научных и технологических исследований в ядерной сфере чрезвычайно велика, а ядерные технологии, прежде всего их военная компонента, приобрели новый философский оттенок – стали важным аргументом в вопросах будущих взаимоотношений народов и религий как представителей разных цивилизаций. А. Неклесса цитирует профессора Йельского университета П. Брекену (P Bracken) по поводу нового варианта ядерного сдерживания, "второго ядерного века" (см. также А. Кокошин). По их мнению, новые ядерные доктрины обусловлены вызовом Западу со стороны Азии. В том числе, - в культурной и философской сферах. Но и вследствие распространения ядерных технологий в Азии, которое анализирует К. Матинуддин. И по П. Брекену, вызов Нового Востока в контексте различия цивилизаций может включать более свободное, нежели прежде, использование современных вооружений. Тезис о "условиях расширяющегося распространения ядерного оружия" в тех или иных формах поддерживают многие (дополнительно к ранее упомянутым исследователям - М. Смагин, В. Воронович).

М. Смагин изучает философскую "грунтовку" концепции "ядерного мира", отдельные фундаментальные понятия, философские категории. Вернее - концептуально разработанные в некоторых заданных мировоззренческих и методологических аспектах их теоретические формы – концепты. Такие как "смерть", "свобода", "воля к власти", "насилие", "война", "мир", "безопасность" и некоторые другие. При этом исследование М. Смагина не только строго академично. Оно мотивируется желанием автора вскрыть философско-мировоззренческие основания, глубинный механизм появления современной и злободневной стратегии США - стратегии "расширенного устрашения", в том числе локальными войнами (Югославия, Афганистан, Ирак), в том числе ядерного. М. Смагин при анализе современности (и со ссылкой на более ранние философские подходы к изучению военных проблем) в контексте цивилизационных конфликтов употребляет концепты "оружие судного дня", "ядерный страх" и "ядерные ястребы". Соответственно одному из фундаментальных свойств образа ядерного оружия – амбивалентности – А. Кузнецов изучает и структуру аргументации в ядерных дискуссиях.

В. Келле отмечает ошибочность существовавшего толкования опасности возникновения ядерной войны фактом противостояния двух систем – социалистической и капиталистической. Сейчас одной из систем нет, а угроза не уменьшилась. Он же напоминает, что идея "нового мышления" была высказана в манифесте Рассела-Эйнштейна именно по поводу этой угрозы.

Долговременную сдерживающую роль ядерного оружия в перспективе, но одновременно и появление новых тревожных тенденций ("принцип ядерного несдерживания" и даже угроза ядерного нападения) подтверждают В. Дворкин и В. Слипченко в ходе дискуссии "Средство защиты мира и безопасности?". В. Шупер, который по его собственным словам

"всегда требовал масла вместо пушек", анализируя особенности современных западных демократий и реальные слабости гражданского общества, считает общепризнанным, что "единственная гарантия того, что Москву ни при какой политической конъюнктуре не будут бомбить, аки Белград ... - это ядерный щит Родины". Г. Малинецкий: "У нас остался один союзник – наше ядерное оружие" (Институт философии РАН, 2009 г., VII Международный симпозиум "Рефлексивные процессы и управление"). В военно-политической и публицистической литературе социальные аспекты ядерного сдерживания рассматривают В. Михайлов и др. в контексте канонизации сдерживания, общемировых интересов и общечеловеческих ценностей.

Даже в среде профессиональных военных возникают идеи выполнения оценок риска и сценариев применения ядерного оружия так, чтобы эти оценки и сценарии ядерного сдерживания включали в том или ином объеме социогуманитарную составляющую. Идеи эти актуальны в связи с существенно изменившимися политическими, экономическими, социальными, военно-техническими, культурными, информационными и другими параметрами жизни человечества. По сравнению, например, с периодом формирования уже более 30 лет назад знаменитой и судьбоносной концепции "ядерной зимы". Сейчас действия с самого начала конфликта по схеме массированных ядерных ударов сразу полной мощностью сверхдержав и по принципу "только бы успеть" маловероятны. Но каковы прогнозные черты "второго ядерного века" по последствиям применения ядерного оружия? В условиях снижения порога ядерного сдерживания, динамичности, многовариантности, ступенчатости конфликтов, их "асимметричности" и других новых характеристик нашего времени? В условиях, когда ядерные объекты потенциального противника являются приоритетными в оперативных планах военных на случай ведения не только ядерной войны? Эти черты не ощущаются с необходимой полнотой.

Поэтому В. Ярынич предлагает независимые и международные оценки гражданскими специалистами с максимально допустимой открытостью информации того, чем рискует потенциальный агрессор и все остальные люди. Иными словами - идею превентивных и настойчивых разъяснений им их риска. В. Василенко и Г. Кузнецов, М. Смагин констатируют, что на разных ступенях "лестницы сдерживания" уже военными доктринами предусматриваются такие воздействующие на общественное мнение факторы. Например, - престиж государства, дифференцированный подход к "сильным" и "слабым" звеньям противостоящей коалиции, отдаленный экологический ущерб, экономический ущерб государству и населению. А также морально-нравственный, пропагандистский, психологический, политический, субъективные качества лидеров стран, социологический, информационный и другие факторы.

Философская поэтика

В замечательной философской миниатюре "Мир глазами ядерной бомбы" В. Ленгар, через образ мыслящего оружия, показывает, как могут быть узки, жестко и жестоко predetermined рамки скоротечной жизни, когда ничего другого, "кроме своего внутреннего мира" и "сияющего радиацией внешнего мира, Истинного Мира", не дано узнать. Когда суть бытия сводится к почти всеми принимаемой формуле: "Ядерная бомба в конце Полета всегда попадает в Эпицентр".

Н. Кормин и Е. Турлак, М. Ойзерман с соавторами ассоциируют ядерную техносферу с кентавром. Если в контексте ядерных образов развивать тему "человек и конь", то, думаю, по сравнению с мифами о кентаврах более уместен как база совершенно великолепный этюд Г.К. Честертон. По Г.К. Честертону, человек на коне - самое прекрасное зрелище в мире. Конь и человек могут ладить. Не конь седлает человека, а наоборот. Хотя в свое

время коня весьма трудно было объездить. "Конь и человек, вместе, добры и мудры...и могут стать символом чего-то высшего, скажем, св. Георгия". Конь поражает воображение, как и человек, покоривший его. Добавлю, что и сюжет о Вещем Олеге, как некий вариант развития событий во взаимосвязи человека и ядерного феномена, тоже "в тему". Но, все же, надо помнить, что ядерная энергия не так близка человеку и, совершенно точно, не так может быть подвластна ему, как конь.

Р. Ровинский философски обобщает нынешние научные представления об еще более впечатляющем феномене, чем феномен ядерной энергии. О связи их. Речь идет о так называемой темной энергии. Темной - потому как ставит пока больше вопросов, чем найдено ответов. Она подавляюще доминирует в общем энергетическом балансе видимого мироздания. Одновременно и сопряжена с ядерной энергией, и является базисом всего вещественного мира, то есть и ядерной энергии, и нас. В связи с этими перспективами уместно перефразировать известные слова М. Ломоносова: открылась бездна, энергии полна; энергии нет счета, бездне - дна. Темная энергия находится вне нашего внимания в данной работе. Но не помнить о ней нельзя. Повторяю, она - энергетический базис наш и всех вещественных структур вокруг нас. Неаккуратно отнесемся к нему, и...

А. Трофименко сравнивает гипотетические перспективы энергии отонов и реалии ядерной энергии. "Отонная и атомная энергия имеют как сходства, так и различия. Теория отонной энергии базируется на фундаментальных принципах, которые лежат в основании идеи атомной энергии. Это принципы теории относительности. Но идея атомной энергии основывается на специальной теории относительности, а идея отонной энергии основывается на общей теории относительности. Впервые проявления атомной энергии и отонной энергии были обнаружены в космосе. Вначале энергетика черных дыр обсуждалась в связи с космическими феноменами. В настоящее время идея об отонном источнике энергии привлекается к объяснению земных феноменов. Изменение массы покоя определяет выделение энергии $E = (mc^2)$ для атомной энергии и для отонной энергии. Но массы объектов, которые участвуют в ядерных и отонных процессах энерговыделения, различаются грандиозным образом (на сорок порядков). Между атомной и отонной энергетикой имеются следующие аналогии. Радиоактивный распад соответствует эффекту Хокинга. Взрыв атомной бомбы имеет аналогом взрыв черной дыры. Термоядерный синтез соответствует аккреции на черные дыры. Взрыв термоядерной бомбы имеет аналогом столкновения черных дыр.

Специальная теория относительности была абстрактной теорией в первой трети нашего века. Во второй трети XX века ситуация изменилась радикальным образом в связи с созданием атомной бомбы. Общая теория относительности была долгое время символом абстрактной теории далекой от практических интересов людей. В настоящее время общая теория относительности является основанием для создания отонной энергетики. Отонные энергетические станции превзойдут по мощности крупнейшие электростанции. Они смогут непрерывно действовать в течение миллиардов лет. Овладение отонной энергией откроет перед человечеством самые неожиданные перспективы в третьем тысячелетии. Эра овладения отонной энергией может стать эпохой беспрецедентного могущества и процветания человечества".

Наш материальный мир и человечество в философско-возвышенном стиле отождествляют с "ожившей звездной пылью", "пеплом погасших звезд", "детьми Солнца". То есть, с ядерной энергией. С другой стороны, как писал В. Вернадский: "Готовлюсь к уходу из жизни. Никакого страха. Распадение на атомы и молекулы... Чувство единства всего человечества..." (по Р. Баландину, 1983). Возможно, такую позицию В. Вернадского

можно принять как некое утешение при сопоставлении с горечью М. Цветаевой. Когда "...я тоже была..." и "...меня нет".

Сопряжение ядерного, светской и религиозной русскоязычной культуры

Большое значение при формировании такого подхода к рефлексии ядерного феномена могут иметь философские взгляды В. Степина. Он развивал их от философских оснований науки (начиная с физики), социокультурной детерминации научного познания, связи философских оснований науки с культурной традицией, взаимодействия науки с философией, искусством, религиозно-мифологическим и обыденным сознанием. До понимания, что к науке не сводятся все формы познания мира, понимания прогностической функции философии и культуры по отношению к науке, программирующей роли культуры в жизни общества и необходимости согласования западных и восточных культурных традиций при выработке стратегии развития общества в предкризисной ситуации. Одновременно он видит и тем большую возможность манипуляции общественным сознанием, чем дальше развивается информационное общество.

О необходимости и значимости социально-культурной компоненты ядерной сферы, особенно для будущего, известно из воспоминаний, например, Ю. Харитона - одного из выдающихся создателей советской ядерной мощи. Подведение итогов IV Российского философского конгресса "Философия и будущее цивилизации" (2005 г.) его организаторы завершили мыслью о том, что "...мы – великая нация, у которой есть не только ядерная бомба и рекой льющаяся на Запад нефть, но и своя великая философия и культура". Но, к сожалению, на конгрессе ядерная тематика и сопряженные явления практически не были охвачены философской мыслью.

В идеальной перспективе нужно исправлять недостатки и диспропорции, налаживать коммуникационные схемы на философско-ядерном информационно-аналитическом поприще. Пришли новые времена. Не исчезли совсем старые, но появились и серьезные новые вызовы. Одновременно появились и новые возможности. Нужно, развивая приведенную по материалам IV Российского философского конгресса "Философия и будущее цивилизации" мысль философов, пойти дальше. От красивого сравнения – к фактической интеллектуальной связи важных, фундаментальных явлений цивилизации. И не только на примере России.

Д. Сладков, гуманитарий - сотрудник Федерального ядерного центра "ВНИИЭФ", разнопланово, в сферах рационального и иррационального, рассматривает ядерное оружие (и ядерную техносферу в целом) как проблему культуры и цивилизации, как "чудо мировой науки и техники". В категориях "сверхсила", "сверхвласть", но и "сверхопасность". По его мнению, эта "запределивающая" функция ядерного оружия определяет его совершенно своеобразную роль в культуре, но требует, одновременно, сохранения многообразия культур. С одной стороны, это символ, принадлежащий всецело миру идей и как таковой действительно способный отождествляться с беспредельностью абсолюта. Ведь мы же знаем, что в реальной жизни ничего "сверх..." не бывает, реальность всегда имеет свои совершенно четкие пределы и ограничения. А поскольку ядерное оружие, прежде всего, обозначает собой некую беспредельность, оно и принадлежит миру идей. С другой стороны, ядерное оружие столь же всецело принадлежит и миру реальных вещей. Оно существует "на самом деле".

Таким образом, мы видим, что ядерное оружие связывает собой два совершенно разных и в чем-то даже противоположных мира - мир символов, абсолютных идей и мир реальных

вещей. Но это влечет за собой ряд важных следствий... на пересечении "божественного" и "человеческого" в судьбе ядерного оружия. Прежде всего, по мнению Д. Сладкова, - необходимость изменения мировоззрения, поиска иных средств мышления и действия, кроме всех тех научных, инженерных и политических подходов, которые и завели нас в сегодняшние "ядерные" тупики. В атомном ведомстве России открыли ряд молодежных проектов этого направления. В частности, - "Ядерное сознание в XXI веке" в контексте "всеобщей ценности и ресурса человечества", "Детская ядерная академия" и "Курчатовские чтения". Эти примеры (как и в "Вопросах философии", 2003, №12) показывают двусторонность, обоюдную активность взаимодействия в координатах "ядерный феномен – культура": не только культурные коды должны и могут формировать социоядерную сферу жизни, но и "ядерное" влияет на социокультурное пространство.

Интересно, что В. Булатов, антагонист Д. Сладкова по многим принципиальным позициям о месте ядерного оружия в жизни людей, не отрицает представления "о ядерном оружии как части культуры XX столетия" (В. Булатов, 1999). Добавим, что реализация Атомного проекта СССР, нельзя этого не признать при разном отношении к проекту, в свое время мобилизовала всю страну. Это важный социальный признак явления. Отсутствие сейчас "общего дела" – тревожная предпосылка дезинтеграции страны в совокупности прочих негативных условий.

Международная научная конференция "Радиоактивность и радиоактивные элементы в среде обитания человека" (1996 г.) была посвящена столетию двух событий: открытия явления радиоактивности и создания в Сибири первого технического ВУЗа – Томского политехнического университета (деятельность которого во многом связана с задачами науки, техники и образования применительно к ядерной энергии). Доминантными подходами заявлены: разносторонний взгляд и высоконравственное отношение к ядерным проблемам (Л. Рихванов). Сборник материалов начинается выдержками из публикаций основоположников одновременно и естественнонаучных исследований в этой сфере, и оценок явлений с общечеловеческих позиций (А. Беккерель, М. Кюри, В. Вернадский). "Союзником и защитником" людей называл радиоактивность В. Вернадский.

В. Чешев на этой конференции, сопрягая открытие радиоактивности и человеческое познание, подчеркнул актуальность обращения ныне к осмыслению и оценке в исторической ретроспективе всего комплекса событий в науке и практике в связи с ядерной энергией, а также к пролонгации полученных результатов в будущее в контексте ценностей, которые выбирает человечество сегодня. Он не сомневается в объективной связи факта открытия радиоактивности и уровня научно-технического развития человечества на тот момент. Он уверен и в том, что "закрепление отношений и ценностей, сложившихся в западном мире в индустриальную эпоху, и распространение этих ценностей на весь земной шар" мало продуктивно для действительно гуманного использования выдающихся открытий в ядерной сфере. "Открытие и освоение явления радиоактивного распада принуждает человечество обратиться к самому себе и в новых условиях поставить традиционный вопрос о смысле человеческого существования". В Чешев в контексте этого императива отметил потенцию русской культуры и русской философии, предложил современным антиядерным движениям сущностно определиться в своих действиях.

И. Лозовский и Л. Рихванов осветили истоки, социальные условия и гуманистические мотивы изучения радиоактивности и радиоактивных элементов в Сибири до второй мировой войны. В том числе, в связи с фактом пребывания в регионе М. Кюри, которая после изучения образцов урановых минералов назвала один из районов Сибири "мозгом высоко радиоактивных тел, скрывающихся под древним теменем Азии". Мысль М. Кюри

приведена И. Лозовским и Л. Рихвановым в интерпретации участника тех событий И. Прохорова. Л. Рихванов и в последующие годы (2004 и 2009) в рамках этой конференции продолжал публиковать результаты исторических исследований, а также развивать мысль о радиоактивности как фундаментальном свойстве материи. В некоторой запальчивости, возможно, В. Коняшкин приравнивает косвенно материальные затраты на создание ядерного оружия и на гипотетическое решение “любой проблемы общепланетарного масштаба”. Им рассмотрены также как некоторые аспекты социальных последствий “холодной войны” делящиеся материалы и общественные движения, социоядерная активность неправительственных организаций и информационная сторона жизни общества. Интересна мысль В. Летова о динамике связи в планетарном ракурсе этапов “жизни” феномена ядерной энергии и физических условий развития биологических форм существования материи при достаточно узких рамках этих условий. Подобные мысли, по моему мнению, – “мостики” к соосмыслению ядерной энергии и *антропного принципа* в социальном измерении.

А. Московченко (2004 г.) обсуждает связь идеи автотрофности (впервые выдвинута русскими космистами - В. Вернадский, Н. Федоров, В. Казначеев) с проблемами атомной энергетики будущего. Современная ядерная энергетическая технология отвечает двум важнейшим качествам (требованиям) автотрофности (автономности и оптимальности). Автотрофные представления об атоме и атомных технологиях, разработка образа совмещаемой с этой идеей отрасли, дадут возможность выбрать наиболее эффективный и “человечный” сценарий развития ядерных технологий. Он же (2009 г.) с позиций диалектики рассматривает проблемы современного ядерно-технологического комплекса.

Апокалиптические библейские описания (при соответствующем понимании символики) напоминают, по мнению В. Ирхина и М. Кацнельсон, возможную картину гибели звезд и вселенной в различных физических моделях эволюции (сжатие и сгорание, сменяющие расширение вселенной, и т.д.).

Блаженнейший Митрополит Владимир (Украинская Православная Церковь) считает: “Чернобыльская трагедия должна стать вразумлением для будущих поколений”. “Если мы заглянем в корень чернобыльской трагедии, то увидим, что в основе ее лежит антропогенная проблематика. Человек начал забывать свое истинное предназначение в мире и удаляться от Источника всех благ. Именно отсюда все проблемы. Техногенные катастрофы и природные катаклизмы, которые с каждым шагом развития человеческой цивилизации приобретают все более угрожающие, глобальные масштабы, на самом деле являются непосредственным отображением тех процессов, которые протекают в самом человеке, в его душе”. Он говорит о появлении “чернобыльских храмов” и иконы “Чернобыльский Спас”: “В ее центре находится обожженная радиацией сосна, по форме напоминающая крест, которая символизирует глубокую скорбь от выпавших на долю нашего народа испытаний. Но сюжет иконы в то же время оптимистичен, он дарит надежду на возрождение, об этом говорят и солнце, восходящее из-за саркофага на горизонте, и зеленеющая трава на переднем плане”.

А. Коваль в статье с примечательным названием “Чернобыль сегодня и **всегда**” (Е.К.: выделено мной) дополнительно отразил некоторые аспекты точки зрения УПЦ на предпосылки и последствия Чернобыльской катастрофы. Он напоминает о взглядах теологов, что “каждый атом, каждая молекула мироздания — это не что иное, как материализовавшееся чувство бесконечной, беззаветной, совершеннейшей любви и благодати создавшего всех Отца”. “Грубо вмешиваясь в премудрый план мироздания, без духовного понимания сущности всего сотворенного, человечество искажает программу, заложенную Богом, вносит в нее неотвратимый процесс самоуничтожения. Рациональное

стремление быть хозяином материи без осознания духовного аспекта всего тварного мира и осмысления исторического опыта приводит к пагубным последствиям”. “Страшная Чернобыльская трагедия — это не просто напоминание человечеству о той ответственности за вселенную, которую несут поколения нынешние перед Богом и перед потомками. Если в древности Господь по милосердию вразумлял и смирял народ Своими стихиями мира сего, и это служило назиданием также и для последующих поколений, то ныне страшная трагедия, как дело рук самих людей, не ограничится нравственным назиданием и предостережением. Преступная самонадеянность человечества, вообразившего себя в полноте постигшим глубину мироздания, в основе которого кроме материи больше ничего нет, еще долго будет эхом страшной трагедии отзываться слезами и страданиями чад Божьих. Древняя чернобыльская земля стала зоной смирения «хозяев планеты», которые забыли, что суть вещей не ограничивается молекулярным составом, что в каждом атоме скрывается частичка Божественного Промысла и любви. Слишком дорого обошлось человечеству извращение такого мистического и ответственного понятия, как «царь земли»”.

В. Путин, завершая ядерной тематикой пресс-конференцию с российскими и иностранными журналистами 1.02.07, подчеркнул на примере двуединого значения Сарова важность именно совокупности религиозно–ядерных устремлений в деле укрепления позиций страны. “Мир сейчас как после взрыва атомной бомбы. Все расщеплено. Никто никому не нужен. Слово верха берут дьявольские устремления, о которых предостерегал Христос”. Такой взгляд на действительность озвучил о. А. Уминский (ТВЦ, “Церковная энциклопедия”), говоря перед прихожанами одной из православных общин США о необходимости и признаках дальнейшего укрепления связей Русской Православной Церкви и Зарубежной Русской Православной Церкви.

Стремление к всеобъемлющему синтезу

Пока на практике существуют две схемы получения людьми ядерной энергии – деление и синтез ядер. Причем наиболее эффективно (например, при взрыве) – сочетать обе схемы. В микромире царят двойственность и неопределенность (в вероятностном смысле) явлений. В ядре (в глубине известной нам материи) энергии гораздо больше, чем на уровне атомов и молекул. И эта же, ядерная, энергия формирует космологические процессы в известном нам мегамире. Анализ и интегрирование разных социальных граней комплексного ядерного феномена и его связей, поли- и междисциплинарный духовно-гуманитарный подход – попытка новой методологии рефлексии. Сам феномен подталкивает к пути его познания.

Ядерной энергии присущи элементы вечности по сравнению с жизнью человечества, а также прямой “вклад” в реальность его существования. Что в сфере социальной мысли имеет схожие параметры времени и значимость для осмысления генезиса человека и проявления людей как цивилизации? Конечно же, прежде всего, религия и ее философская составляющая. Человек принадлежит двум мирам - физическому и духовному. С одной стороны, мы - дети энергии и вещества звезд. Мы состоим из молекул, атомов и атомных ядер, то есть ядерная энергия не только вне, но и внутри нас. В прямом и переносном смысле. С другой, - “Бог - Отче наш”.

Ко многим явлениям применяют сравнение “неисчерпаемо как атом” или понятие “атом реальности”. А. Чумаков (2009), характеризуя силу философской рефлексии, в том числе – способность мысли опережать свое время на тысячелетия, сопоставляет такие достижения античной философии: идеи космополитизма, учение об атомах, рассуждения о всеобщей взаимосвязи событий и явлений, догадки о шарообразности и вращении Земли. Уже в

начале XX века, в пору великих ядерных открытий в физике, возникли зачатки понимания, что только один фактор - успешное овладение ядерной энергией - не является залогом успешности человечества в будущем (фильм по поводу 285-летия РАН). По мнению Н. Полторацкого, одной из приоритетных проблем, которые современность ставит перед религиозным сознанием, является проблема "Человечество и атомный век".

Глубинные "духовно - гуманитарно - жизненные" совпадения иногда мистически цементируют преемственность исторических событий, что особенно важно для событий глобальных. Св. апостол Иоанн Богослов ("сын громов", как называл его Христос и окружающие), А. Дюрер, А. Сахаров. Эти имена объединены одной памятной датой - 21 мая. И тем, что каждый из них по-своему увидел Апокалипсис и рассказал о нем людям, предупреждая их. Оставил свое Откровение миру и свой вклад в попытки улучшить человека, элементы единения материального и духовного, дольного и горнего. Эта триада связывает пространство (Средиземноморье - колыбель человечества в целом, отдельных религий и цивилизаций, Германию и Россию, поселения и города первого столетия христианства, Нюрнберг, Ленинград и Саров) и время (античность, средневековье, современность). Религию, светский разум, искусство, ядерную физику, ядерную технику и гуманизм. Нобелевская премия мира в 1975 г. была вручена А. Сахарову 9 октября – вторая из двух ежегодно отмечаемых дат, связанных с именем Иоанна Богослова. С 9 октября в 2006 г. совпало весьма тревожное и знаковое событие – первое испытание Северной Кореей атомной бомбы. А около ста лет назад: "Красною кистью рябина зажглась. Падали листья. Я родилась. Спорили сотни колоколов. День был субботний: Иоанн Богослов" (М. Цветаева).

С. Капица обращает внимание на то, что ядерная сфера требует изучения целого комплекса междисциплинарных проблем, а без оценки психологической и социальной ситуации развитие ее неминуемо приводит к серьезным негативным последствиям. Ж. Алферов и другие Нобелевские лауреаты социальным аспектам науки и технологий придают огромное значение и рассматривали их, в частности, на своей встрече в Санкт-Петербурге в связи с вручением международной премии "Глобальная энергия" и 300-летием города. Б. Чикин обозначает принципы, по его выражению "новой философии" применительно к атомной энергетике: рационализм и иррационализм, проблема "Запад - Восток". Социально-гуманитарные аспекты в контексте сочетаемости ядерной энергии, глобализации и стратегии устойчивого развития, а также вопросы общественного сознания анализируют В. Баталеев, И. Горбылев, А. Костин, Ю. Крылов, А. Мясников, А. Сепов. В. Коваленко рассматривает влияние философии на формирование мировоззрения специалистов ядерной отрасли.

С. Крымский, вслед за Г. Гегелем, напоминает нам о том, что человек на определенном этапе своей деятельности неминуемо способствует появлению стихийных могучих сил, которые превышают его собственные мерки и представляют угрозу ("обратные силы"). Эти силы в наше время во многом связаны с ядерным феноменом. Силы подобного рода не поддаются контролю и управлению. С определенного момента они имеют собственные логику и вектор осуществления, безразличные к целям и усилиям человека. Человек может лишь заранее, "до того", устремиться к постижению этих нарождающихся угроз. Связь ядерного феномена с потенциально катастрофическим эффектом "обратных сил" – еще один мотив его всестороннего и глубокого осмысления.

Наверное, соотнося ядерный феномен и общество, надо сквозь "призму" вечности видеть человечество, в том числе его пороки, глубоко - как религия. А также, как писатели-философы Ф. Достоевский и Н. Гоголь ("чтобы устремить человека к лучшему, надо показать всю его мерзость", "Мертвые души"), философ Н. Бердяев и другие лучшие умы.

Не забывая, конечно, и о человеческих достоинствах. Ведь религия в несравненно более сложной ситуации (если позволительны такие сравнения) все же нашла эффективный нравственно-этический путь, механизм общественных отношений на века. Проведя нас через сложные философские взаимоотношения небесного и земного, добра и зла, силы и слабости. Наконец, через концепцию первого конца света и первого спасения человека (библейские потоп и Ноев ковчег).

Человеческий фактор

Есть свидетельства, что Ю. Харитон в конце жизни высказывал мнение о неадекватности свойств человечества проблеме владения ядерной энергией. "Сознавая свою причастность к замечательным научным и инженерным свершениям, приведшим к овладению человечеством практически неисчерпаемым источником энергии, сегодня, в более чем зрелом возрасте, я уже не уверен, что человечество дозрело до владения этой энергией. Я осознаю, - писал он, - нашу причастность к ужасной гибели людей, к чудовищным повреждениям, наносимым природе нашего дома - Земли. Слова покаяния ничего не изменят. Дай Бог, чтобы те, кто идут после нас, нашли пути, нашли в себе твердость духа и решимость, стремясь к лучшему, не натворить худшего".

М. Ойзерман с соавторами, а также Н. Кормин и Е. Турлак вслед за М. Хайдеггером, рассматривают ядерную опасность исключительно как производную от свойств человека и общества, как характеристику наших собственных систем мышления и деятельности, в контексте "воли к большой воле". По мнению этих авторов, "ядерная" ситуация нашей жизни требует от человека опасных откровений относительно самого себя и того общества, в котором он живёт. Кроме того, в историческом плане (по В. Ирхину и М. Кацнельсон, ссылающимся на Н. Винера, А. Эйнштейна и К. Ясперса) очевиден морально-нравственный аспект кризиса науки, выраженный в ухудшении "породы" ученых. Он связан, по-видимому, с изменением ее статуса во время второй мировой войны, причем особую роль здесь сыграли американский и советский Атомные проекты. Эти проекты обострили также вопросы одной из тем научной этики – научного приоритета и интеллектуальных заимствований (Г. Горелик, Г. Гончаров). Э. Агацци кризис доверия общества к "технонауке" также сопрягает с опасными и глобальными последствиями развития военных и гражданских направлений применения ядерной энергии.

Пожалуй, именно по отношению к ядерному феномену (как будто о нем сказано) допустимо и необходимо совместно рассматривать обе составные части знаменитой мысли И. Канта: "Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, - это звездное небо надо мной и моральный закон во мне". Кстати, И. Кант отошел в вечность гражданином России, а знаменитый русский философ В. Соловьев считал, что "теперь ни одной проблемы нельзя решать, не посоветовавшись с этим кенигсбергским профессором".

В. Визгин по итогам исследований Института истории естествознания и техники приходит к выводу, что вопрос о формировании и эволюции ядерного этоса (совокупности морально-этических и экологических императивов общества относительно ядерного феномена) крайне важен и интересен, но слабо изучен, во всяком случае его советско-российская составляющая. Этика, если следовать приведенной ранее мысли К. Ясперса, в основе своей для достаточно развитых этносов все же, видимо, одна. В этом я солидарна с позицией большинства авторов сборника "Этос науки", где, нужно отметить, представлены все же разные, иногда прямо противоположные, мнения. В. Визгин, например, в этом сборнике предполагает обособленность ядерного этоса от некоторого

множества научных этосов, но этос физиков-ядерщиков, отличающийся от этических систем в других областях науки, по мнению автора, един для таких противоположных политических систем, как советская и американская.

Признано, что научно-техническая мысль и ее инженерно-конструктивное воплощение несут отпечаток национального и культурно-особенного. Это подчеркнуто на конференции "Проблемы взаимодействия...". М. Рогожа дифференцированно рассматривает общезначимые ценности и ценности разных культур в контексте экологической этики. В. Визгин ставит вопросы о религиозно-духовной и этнической (национальной) гранях ядерного этоса.

По Н. Бердяеву, эсхатологическое ощущение конца и опасение его предполагает мобилизацию и улучшение человеческого рода, надежду на творческую свободу и путь вне фатального зла: "Низкое мнение о людях, которое очень питается нашей эпохой, не может пошатнуть моего высокого мнения об идее человека...". И ядерный феномен, по моему (Е.К.) мнению, может быть, наиболее способствует пониманию того, что "конец истории, конец мира не фатален". Ибо если и возгорится "огонь с неба", то "он возгорится не без нашего человеческого огня". Это ли не предостережение людям о необходимости остерегаться трагического результата в познании ядерного феномена и применении ядерной энергии? После Чернобыля академик В. Легасов писал: "Специалистам не хватает гуманитарной компоненты, нравственности, духовности. И это на самом деле является причиной технических аварий". А С. Поваров так отреагировал на катастрофу: "Человечество превратилось в тварь дрожащую".

Во второй половине прошлого века Н. Моисеев видел необходимость коренной трансформации сознания, глобальной значимости и опасности в эколого-экономическом контексте факт совершенно новой стадии развития планеты и общества. И постоянно (в большинстве публикаций, в том числе в "Вопросах философии") сопрягал их в неразрывной связи с надвигающимся глобальным и комплексным кризисом, наличием у многих стран ядерного оружия и неизбежными перспективами его распространения по планете. Он в связи с этим, как и J. Garrison, в сфере разума, сознания, нравственности, духовности ставит задачу небывалой значимости - разработать Стратегию человечества. "Ее разработка мне представляется, - пишет Н. Моисеев, - самой фундаментальной проблемой науки за всю историю человечества. Может быть, вся история человеческих знаний, нашей общей культуры всего лишь подготовительный этап для решения этой задачи, от реализации которой зависит и сам факт сохранения в биосфере нашего вида". Неадекватность иных форм социального сознания владению ядерным оружием, возможность из-за негативной трансформации сознания разрушения цивилизации вообще без ядерной войны отмечает Г. Киселев.

Ныне, например, В. Воронович адаптирует этот подход Н. Моисеева и идею известного Манифеста Рассела-Эйнштейна к современным условиям. Констатируя еще раз императив самосовершенствования человечества в контексте взаимосвязи и взаимовлияния увеличивающегося уровня угроз от ядерного оружия и основных глобальных проблем. С прежним пониманием практической нереальности изменить ситуацию в сфере сознания в обозримом будущем. Р. Баландин насущную необходимость формирования "нового, духовного человека" вслед за Н. Бердяевым связывает с усиливающимся давлением техносферы. Причем не только с экологической, но и с точки зрения сохранения, улучшения и охраны от загрязнения и разрушения духовной среды обитания человека, появления полноценной личности.

У С. Крымского есть мысль, что альтернативой современному положению дел, когда все актуальней становится опасность проявления гегелевских разрушительных “обратных сил”, обусловленных, в том числе, и применением ядерной энергии, должна быть “деятельность, которая соединяет вопрос: «Что я должен делать?» с вопросом: «Каким я должен быть?»”.

Важно подчеркнуть, что размышления о том, что первично - овладение ядерной энергией или самосовершенствование человечества - уже неуместны. Джинн уже выпущен из бутылки, хотя еще не полностью “вырваны тайны с корнем у ядра”, как многие мечтали вместе с В. Высоцким. И уже были ситуации, когда начало ядерной войны было реальным.

Возможно, как минимум один человек в личностном развитии подобный гигантский путь уже прошел и дал нам пример для осмысления “на века”. Это - А. Сахаров. Он, познавая ядерный феномен с позиций оружия и космологии, трансформировался от талантливого физика-теоретика и изобретателя, лояльного и “кровожадно-азартного” исполнителя социального заказа тоталитарной системы на все более мощные виды ядерного оружия до общественного деятеля уровня “человека мира”, гуманиста, правозащитника, сторонника безопасной ядерной энергии. Не было бы ядерного феномена - не было бы последовательно Сахарова-ядерщика и Сахарова-гуманиста с общественными идеями, ориентированными на человечество. По воспоминаниям Б. Раушенбаха, А. Сахаров признавал у себя некоторые ощущения, которые можно называть религиозными.

То обстоятельство, что из всех “отцов” всех бомб лишь в России, далеко не в самых благоприятных условиях, человек свое индивидуальное сознание трансформировал в “философско-предопределенном” направлении достаточно полно - очередная “информация к размышлению”.

Человек ограничен в восприятии новой информации, а если он существует в тяжелых социальных условиях, его вряд ли значимо и надолго взволнует перспектива уничтожения всего живого в ядерной войне или вопросы радиозкологии. В этом смысле показательное изменение общественного мнения в России на рубеже 1991-1992 г.г. К 1991г. благодаря общественным движениям в стране возникла ситуация, грозившая не только парализовать деятельность отдельных предприятий, но и привести к полному сворачиванию ядерной энергетики. С началом экономических реформ в 1992г. и резким обострением общего кризиса антиядерные настроения пошли на убыль. Как пишет М. Мунтян, и в мировом социуме людей при выживании в постоянно усложняющемся бытие уже не очень тревожит перспектива возникновения ядерной войны.

Формирование общественного сознания применительно к ядерной техносфере, имея в виду, что создаваемая сейчас, эта отрасль будет напоминать о себе человечеству десятки и сотни тысяч лет, несомненно актуально, обладает принципиальной новизной и имеет серьезные методологические особенности. Более того, как считает М. Ойзерман с соавторами, обеспечение безопасности этой сферы невозможно сейчас, а станет возможным лишь тогда, когда по Н. Бердяеву человеческий род трансформируется в человечество. Необходимость соответствия ядерного феномена определенному высокому уровню развития человека и общества отмечал еще В. Вернадский. Важно изучить доверие к разным источникам информации и их объективность. Например, по данным ранее выполненных предварительных социологических исследований на Северо-Западе более 70% респондентов доверяют “ядерной” информации ученых, не более 35% - журналистов и активистов природоохранных движений, не более 10% - официальных лиц (И. Зыкова). Как считает С. Шардыко, налицо глобальное непонимание, например, “зеленых” и Минатома.

Существуют различия в ментальности - например, между мужчинами и женщинами (Т. Рябинина), между основной частью населения и отдельными группами людей. Ведь ныне наряду с профессионалами-ядерщиками с ядерным феноменом на собственном опыте соприкоснулись достаточно представительные и особые социальные слои – чернобыльцы в СССР, hibakusha в Японии и другие. Наконец, между элитой и массами. Огромное значение элиты в формировании эко-будущего технотронной цивилизации и при принятии решений в ядерной сфере подчеркивают А. Толстоухов и авторы книги "Морально-этические нормы, война, окружающая среда". Н. Миронова исследует параллельные процессы самоорганизации экологических неправительственных организаций и противодействующих им государственных структур в контексте устойчивости социума и снижения или повышения риска для жизни в России.

Безопасность и перспективы

Приведены определения понятий “безопасность” и “обеспечение” с точки зрения философии, а также методологический принцип определения и обеспечения безопасности ядерного объекта (С. Неудахин). Социально-философские категории “риска” и “приемлемого риска” неразрывно связаны с проблемой ядерной безопасности. А развитие высоких ядерных технологий придало им и мировоззренческое звучание. С сущностью риска ассоциируются такие философские понятия, как “жизнь”, “биосфера”, “социосфера”, “человек”, “цивилизация”, “ценность”, “целесообразность” и т.д. Понятие “риска” также тесно связано с философскими категориями “скачка”, “меры” и рядом других. Количественная и качественная мера учитываемой вероятности отражается в категории “приемлемый риск” (А. Ярошинская, 2006).

Видение тревожных перспектив должно находить адекватное отражение не только при обосновании стратегической необходимости ядерных технологий, но и в сценариях оценки безопасности конкретных ядерных объектов. Прогноз возможного воздействия ядерных объектов на человека и окружающую среду на значительный период времени должен содержать результаты изучения социально-экономических и политических вариантов будущих условий существования этих потенциально опасных объектов. Радиоактивные отходы и отработавшее ядерное топливо, например, не теряют своей токсичности по некоторым параметрам в течение десятков и сотен тысяч лет. Другими словами, в процессе оценки аспектов социоприродной безопасности и приемлемости для общества ядерных объектов целесообразно изучать дополнительно к природно-техногенным прогнозным событиям глобальные и локальные по месту и времени, имеющиеся общие и специально разработанные вновь социальные сценарии будущего на перспективу до десятков тысяч лет. Конечно, с учетом возможностей долгосрочного прогнозирования современной науки.

Изучение социальных сценариев – невероятно сложная задача. Многие считают и считали (например, Н. Моисеев), что прогнозирование будущего общества после бифуркации (кризиса) принципиально невозможно. Многие, но не все. Л. Лесков, С. Курдюмов, Е. Князева, Ю. Яковец и другие выражают надежду на потенциальную возможность такого прогноза. В ситуации неопределенности и резонансного эффекта от наложения кризисов разного генезиса (Ю. Яковец) тем более эта проблема должна быть сопряжена с “заботами” человечества применительно к ядерной сфере. Поскольку возможности долгосрочного социального прогнозирования зачастую ставятся под сомнение (подтверждение этому – неожиданный распад ядерной державы, СССР), то здесь налицо “точка роста” серьезного противоречия.

Имеет ли общество моральное право развивать потенциально опасные технологии, если оно не может заранее спрогнозировать приоритетную составляющую условий функционирования этих технологий – социальную, не в состоянии обозреть последствия их применения? Авторы широко известного доклада Римского клуба "Пределы роста" в свое время ответили на этот вопрос отрицательно. Есть примеры и законодательных инициатив с потенциально негативной позицией. Зададимся вопросом: "Может ли философия определиться по поводу неприемлемых социальных условий в ядерном будущем?" И, наоборот, - вслед за М. Хайдеггером, а также Н. Корминым и Е. Турлак: "Может ли философия решить вопрос о степени безопасности ядерных технологий при их влиянии на социальное пространство жизни?" М. Ойзерман с соавторами, например, считают целесообразным выполнить новый крупный проект аналогично работам Римского клуба, но целенаправленно в ракурсе проблем, обусловленных ядерной энергией.

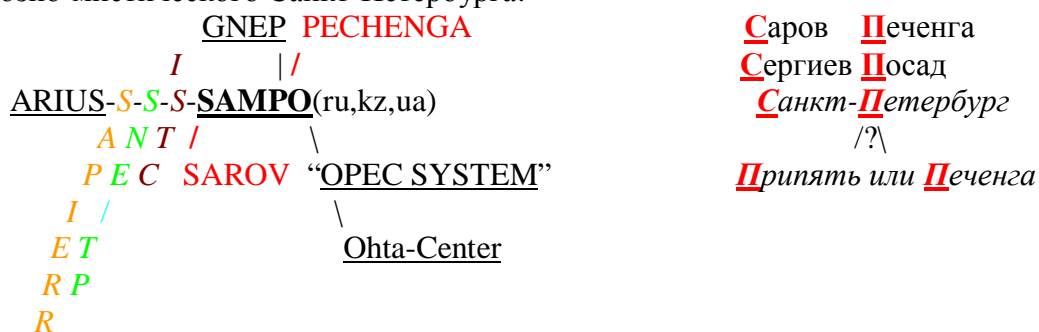
Социальный компонент предусмотрен государственной процедурой ОВОС российского и международного экологического законодательства, а также идеологией общественных экологических организаций. Однако на практике в ядерной деятельности он реализуется слабо. Е. Молодцова, в частности, указывает, что здесь не в полной мере задействованы принципы предусмотрительности и передачи ценностей из поколения в поколение, а также не рассматривается трансграничный аспект в широком смысле. Ю. Корякин, чтобы обосновать спасительную миссию ядерной энергии для сохранения цивилизации, изучает "окрестности" атомной энергетики, олицетворяя этим образом широкий круг проблем и явлений, которые ее окружают.

Л. Арцимович, размышляя о психологии "защитной брони" человека против негативных черт окружающей действительности, вместе с тем предупреждал о недопустимости забывания и равнодушия применительно к опасностям феномена ядерной энергии. "Еще 100 лет тому назад весь накопленный научно-технический потенциал не в состоянии был поколебать устойчивость человеческого рода. Сейчас благодаря тому случайному факту, что при делении урана каждый взрывающийся ядро нейтрон порождает два новых, судьба человечества повисла на тонком волоске взаимного страха. И в ближайшие 50 лет мы либо проскочим через самый опасный интервал в истории человеческой цивилизации, создав систему международной безопасности, либо погибнем". Пресс техногенных атрибутов "мегатонной цивилизации" – так видит реальность Н. Трубников (цитирую по "Истории и философии науки").

В ближайшем столетии конкретным поводом для обострения международной обстановки и кризисов среди прочих будет, как и во второй половине прошлого века, углеводородное сырье. В качестве конкурирующего энергоносителя оно и так сдерживало и сдерживает развитие, например, гражданской ядерной энергетики. Говорят о борьбе за сознание общества между ядерщиками и нефтяниками (Н. Громыко, "Новые информационные технологии..."). Как считает лауреат Нобелевской премии Ж. Алфёров, энергетический кризис существует постоянно, то медленно тлея, то обостряясь, и провоцирует международные конфликты.

Институт философии РАН инициировал идею гуманитарных экспертиз энергетических, в том числе ядерных, проектов. Рефлексируя ядерную энергию, общество будет готовиться к восприятию еще более фантастических и фундаментальных энергетических явлений, на возможность которых указывают физика и космология. Но одновременно и более потенциально опасных. Не готовясь к осознанной встрече с энергетическим непознанным, не уподобляемся ли мы известным слепцам П. Брейгеля? Те с завидным упорством движутся в пропасть.

Предложенные мною социоядерный антропный принцип и подход с позиций символизма реализованы при обосновании идеи и современного, в общечеловеческом и региональных смыслах, образа SAMPO. Отмечена преемственность и взаимосвязь не только российских ядерно-религиозных центров, но и международных энергетических проектов. На схеме: слева – взаимосвязи базового концепта SAMPO, справа – исключительно религиозный контекст и с дополнением футурологических мотивов относительно перспектив ядерно-религиозно-мистического Санкт-Петербурга:

Доброе дело начинается с хорошего слова. Доведется ли людям относительно амбивалентного феномена ядерной энергии, хотя бы в случае генерированного духовно-гуманитарным словом проекта SAMPO, аналогично несравнимо более значимому библейскому, но все же, именно в таком же благожелательном контексте увидеть, “что это хорошо”?

5. Потенциал России и Японии: особенности бытия – философским основаниям

Прошлое для будущего: сверяясь с Достоевским

Рискну в качестве варианта, ещё одной внешней меры человечности ядерной энергии и ядерного социума, более полно попытаться предложить рассмотрение философской позиции Ф. Достоевского и исследователей его творчества.

Творчество крупных писателей-философов, в частности Достоевского, хотя по времени и не совпало с освоением ядерной энергии людьми, создало базу для дальнейшего серьезного анализа проблем ядерного человечества через глубокое понимание фундаментальных, вне времени и пространства, свойств человека и общества. А. Керенский, например, сравнивал аналитику Достоевского с таблицей Д. Менделеева, поскольку книги этого писателя позволяли предугадать неизвестные на тот момент социальные типы людей (привожу по А. Доброхотову).

Большое значение философского наследия русской литературной классики и Достоевского подчеркивал В. Лекторский и отмечал М. Хайдеггер (ныне с ним солидарен И. Акчурин). А. Павленко Достоевского рассматривает в качестве арбитра при обсуждении возможности реализации нравственного императива как необходимого условия выхода из надвигающегося экологического кризиса. С. Алексиевич, для которой Достоевский по ее собственным словам является ориентиром, изучает глубину человеческой души через призму трагических ситуаций войны и Чернобыля.

Обращение к Достоевскому, отражение Достоевским иной действительности наиболее актуальны в переломные моменты жизни общества, страны. Достоевский много писал о предназначении России и русского народа. В какой-то мере в этом с ним созвучен Н. Моисеев.

“Мне Достоевский дал больше, чем все физики мира” – говорил А. Эйнштейн (“Культурная революция” от 4.11.2004, А. Зотов). Достоевский и Эйнштейн сопоставлены в публикации ЦНИИАтоминформ (И. Клемашев). Достоевский является наиболее известным за рубежом русским писателем. Ныне об этом напоминают нам литературоведы И. Волгин и М. Эпштейн. А В. Кантор – о том, что Достоевский является и одним из наиболее известных за рубежом русских философов. Интерес к его творчеству не ослабевал на протяжении XX века. Силен он и сегодня. Это говорит о том, что философское наследие Федора Михайловича многое может дать и современному человеку. Идеи, высказанные им в конце XIX века, продолжают волновать людей. Причина этого кроется в схожести общественных условий и мироощущения человека конца XIX и рубежа XX - XXI веков. В. Гусейнов вспоминает о неоднократно обозначавшемся публично интересе представителей администрации США к русскому классику как главному эксперту по современной России.

Н. Бердяев писал о нём: "Достоевский - величайший русский метафизик, вернее, антрополог. Он сделал великие открытия о человеке, и от него начинается новая эра во внутренней истории человека. После него человек уже не тот, что до него. Только Ницше и Кирхегард могут разделить с Достоевским славу зачинателей этой новой эры".

Общественное мнение, долг, разум, который не имеет нравственных критериев в самом себе и может находиться под влиянием доброй и злой воли, приоритет коллективной жизни и общественной морали. Умение осознать, что грешен и неправ, встать на позицию "вне себя" и "не для себя". Духовная эпидемия, которая грозит человечеству самоистреблением. Религиозно-мифологические символы. Размышления о власти и представителях власти. Сомнение в человеке и вера в него. Преображение человека и человечества. Человек, общество и взаимоотношение между ними. Экологические мотивы. Предчувствия и пророчества. Прогресс и издержки цивилизации: допустимость, объем, соотношение. Вера и цивилизация, ответственность. Национальные особенности, в том числе и когда "забвение всякой мерки во всем". Скрытая, но часто присутствующая тема Ильи-пророка: ревностного и неустрашимого надзирателя и защитника идейных устоев общества, носителя кары для грешников и надежды для праведников, тайной и грозной силы, перевозданного и необузданного гнева, повелителя грома и молний, огня и воды, который способен войско уничтожить Божественным огнем, предтечи Судного дня. Тема Ильи-пророка, связанная с русской традицией, народными верованиями, небесными явлениями, человеческими страстями, символизмом “щита и меча”. Россия, славяне и Запад. Полифонизм и диалог между "сознаниями". Связь всех со всеми. Страстное стремление к истине, критичность в отношении действительности и сиюминутных интересов. Момент выбора, принятия решений. Открытость жизненно важной для общества информации. Всечеловечность и терпимость. Многонациональное "сожительство". Футурология. Петербург. Эти и многие-многие другие аспекты сопрягают наследие Достоевского и исследование его творчества с социально-философскими гранями ядерного феномена.

Достоевский и сообщество достоевсковедов характеризуются редким сочетанием естественнонаучного, технического, гуманитарного образования и образа мыслей с выдающейся наблюдательностью и интуицией, чуткой совестью и религиозностью. "Было стыдно писать", - говорит один из персонажей Достоевского. Дай Бог, чтобы нам не было стыдно за обнародованные решения в ядерной сфере. Современное общество нуждается в чрезвычайной совестливости и придиричivosti при принятии решений здесь.

Нравственный императив, о котором применительно к концепциям будущего стали много говорить и писать в XX веке, волновал и Достоевского. Но во многом сейчас

нравственный императив – это лишь декларация с множеством вопросов по существу. Нынешние его авторы, например Н. Моисеев, пришли к выводу, что в обозримом будущем он невыполним. Где, как ни у Достоевского искать ответы на вопросы и конкретику по существу?

Достоевский, и это очень важно, корректировал не совсем точное восприятие своей позиции: "... я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой". Может показаться, что сопоставлять Достоевского с проблемами ядерной сферы – чрезмерная прагматичность. Но, во-первых, "глубинный реализм" при рассмотрении человека и общества в таком контексте не вреден. А, во-вторых, не мы первые. Обозначено, как минимум, несколько вариантов – направлений сопряжения Достоевского с современностью. Один из них – найти "магистральный сюжет" для разных времен. Если ядерные проблемы и не "магистральный сюжет" (здесь уместно еще раз согласно древним и в соответствии с глобальностью ядерной энергии "посмотреть на звезды"), то совершенно точно – "магистральная общечеловеческая головная боль".

2004 год, например, отмечен повышенным интересом к творчеству Достоевского в разных жанрах искусства. Телевизионная экранизация романа "Идиот", отмеченная общественностью и профессионалами, ретроспективный показ телевидением старых фильмов по Достоевскому в дополнение авторской программы И. Волгина "Жизнь и смерть Достоевского", театральные интерпретации А. Вайды, А. Гордона и других. При этом, как подчеркнула Л. Сараскина на IXX Старорусских чтениях "Достоевский и современность", налицо сильная тенденция так или иначе "примерять" Достоевского к современным социально-политическим ситуациям, "скрестить" два имени – Ф. Достоевского и А. Солженицына. Создается банк данных, структурируется разнообразное творческое наследие Достоевского, в развитие идей писателя изучается соработничество религии и культуры (В. Захаров). Укореняется достоевковедение в молодежной среде (Т. Касаткина). Институт мировой литературы РАН выпустил сборник статей "Достоевский и XX век".

Достоевский при всем сложном его отношении к Западу одновременно глубоко и российский, и западный писатель-философ. Общеизвестно, что во многом Достоевский был предтечей широко почитавшегося на Западе течения философии – экзистенциализма. В западном сериале "The Modern World. Десять великих писателей", демонстрировавшемся на телеканале "Культура" в конце марта 2004 года, от России был представлен только Достоевский. А. Вайда по поводу его театральной трактовки Достоевского в Москве утверждал, что ныне Достоевский "более наш, чем ваш", и что его миссия в Москве – помочь россиянам лучше понимать Достоевского.

И. Волгин, предваряя цикл фильмов "Жизнь и смерть Достоевского" на телеканале "Культура" (май 2004 года), подчеркивал, что и личная судьба, и творчество Достоевского, являют собой модель России и русской истории, загадки и предостережения, крайности бытия и духа, "информацию к размышлению". Предполагаются размышления о будущем России и мира, находящихся сейчас в ситуации смертной казни, причем совсем не обязательно, что в последний момент приговор будет смягчен. Цикл фильмов, по мысли автора, направлен на понимание сегодняшних общемировых проблем. А. Солженицын (интервью телеканалу "Россия", 5.06.05), И. Волгин (программа "Тем временем", телеканал "Культура", 6.06.05, со ссылкой на Достоевского и РПЦ) и В. Третьяков (программа "Что делать?", телеканал "Культура", 26.06.05, в сравнении с атомной программой СССР). Они обозначили практически одними словами так долго искомую после 1991 г. национальную идею. Исходя из культурных традиций России. Не сговариваясь друг с другом. Не при полном совпадении позиций. И в унисон с

приведенной ранее оценкой журнала "Русский дом" роли Церкви и ядерной сферы в жизни страны. Это - защита и сохранение народа, нации и государства вчера, сегодня и завтра.

Достоевский всегда стремился к идейной опеке над властью и обществом. В разные годы жизни он перепробовал многое на этой стезе, официальные и неофициальные способы "внедрения идей", радикальные и компромиссные. Его общественная деятельность: петрашевцы, издательско-публицистическая при издании журналов, переписка и личные контакты с различными общественными деятелями, включая А. Герцена, личное участие в нравственном воспитании членов царской семьи по приглашению (!) Александра II, наконец – знаменитая Пушкинская речь.

Творчество Достоевского представляет собой чрезвычайно удобный материал для проведения параллелей различного рода. Оно и до сих пор остается наиболее надежным, наиболее точным инструментом познания и понимания того, что случилось с Россией в последние сто лет, и даже того, что может случиться с ней в веке наступившем. Достоевским и достоевковедами накоплен потенциал более чем столетнего осмысления в тысячах творческих умов сути человека и человечества. А с учетом переосмысления достижений мыслителей предшествующих эпох – многовековой потенциал. Творчество Достоевского по праву воспринимается многими как сопричастное состоянию современного общества и жизни современного человека. Ежегодно только в России и только в ранге традиционных проходят две международные конференции (Санкт-Петербург и Старая Русса).

Обращение к Достоевскому и достоевковедам в данной работе – это попытка высветить проблемы ядерной сферы ещё под одним ракурсом, с позиций гениального мыслителя. Достоевский многогранен. Важно, что он вне жесткой связи с идеологией отдельных важных социальных явлений (наука, религия, национализм, романтизм, социализм), предсказания и надежды которых частью сбылись, частью нет. И каждое из которых не стало гарантом "светлого будущего". Достоевский – над ними, хотя элементы всех этих явлений в его творчестве есть. Он одновременно как бы "и каждого, и ничей". Это признак объективности.

В. Дудкин напрямую связывает глобальные и современные опасности для человека, избавление от них, с антропологией Достоевского. Из сферы умозрительной в сферу практическую он переводит вопросы о сущности человека. В том числе и в связи с угрозами ядерной сферы. Ф. Каутман, например, критически рассмотрел взгляды Достоевского применительно к интегрированному периоду XIX, XX и XXI веков. Такой подход чётче оттеняет достижения и ошибки Достоевского. Но даже осмысленные таким образом ошибки гения полезны, так как позволяют идентифицировать реальные варианты важных социальных явлений.

Достоевский чувствовал опасные и катастрофические тенденции развития общества. Он знал, что человек противоречив. В человеке, по Достоевскому, сосуществуют два непримиримых начала – естественное и духовное, природное и культурное. И человек, по Достоевскому, от своей противоречивости дешево не откупится. Анализ творчества Достоевского полезен при осмыслении взаимоотношений современной науки и религии, светской гуманитарной и религиозной образовательных парадигм (Л. Сараскина).

Можно не соглашаться с Достоевским. Можно его не понимать. Однако, мы в связи с ядерной сферой обязаны, возвращаясь к мнению ранее упомянутых философов и теологов, пройти через опасные откровения. Значит, игнорировать Достоевского и

достоевсковедение нельзя. Это философское явление должно быть среди других внешних систем координат при анализе "ядерного человека" и "ядерного человечества".

При некоем шутилом подходе возможно, видимо, как оценку Достоевским ядерного феномена трактовать известные слова Дмитрия Карамазова о том, что он радуется солнцу, когда его видит, и даже тогда, когда его не видит, но знает, что оно есть. И без всяких шуток, ровно по Достоевскому, культурно-исторические мотивы однажды уже защитили один из городов (Киото) от ядерного удара. Спасет "красота" и нынешний мир.

Солнце восходит на востоке

Милитаристская Япония наравне с Германией первой возжелала иметь собственное ядерное оружие. Получилось по-другому. Неизбежность "социального эксперимента" с народившимся и первоначально предназначенным для употребления против Германии ядерным оружием, его первое тщательно подготовленное и назидательное "явление народу" планеты реализовались в Японии. Вызовами Азии опять объясняют "второй ядерный век". Япония в связи с Хиросимой и Нагасаки, испытаниями в Тихом океане, близостью оружия Китая, России, США (постоянное базирование атомных авианосцев и АПЛ) и Северной Кореи, дефицитом ресурсов и опасностью природных катастроф, но и с развитием АЭС, ИТЕР и научных ядерных программ, особенно чувствительна к ядерной энергии. Япония - первая страна, которая более шестидесяти лет назад жизнями людей заплатила высокую цену ядерному джину. Более двадцати лет назад ядерное жертвоприношение повторилось в Чернобыле. Отмечают изменение менталитета японцев с послевоенных годов прошлого века. При целенаправленной политике государства, в том числе в сфере образования. Когда нация отказалась от милитаристских и колониальных устремлений в пользу научно-технического и экономического прогресса.

Буддизм - изначально самая терпимая и миролюбивая религиозная идеология. Напомню его постулаты: "Избегай зла, культивируй добро, очищай ум"...и "спасай всех существ", "Сосредоточенная осведомленность". Буддизм наиболее последователен в отрицании ядерного оружия на базе принципа ненасилия. Большинство жертв ядерного оружия были японскими буддистами. Поэтому для буддизма данная тема - не просто теоретическая. Как и для японских католиков, чьи предшественники составили значительную долю жертв Нагасаки.

Несомненно, что японская культурная традиция имеет свои собственные подходы к ядерной тематике. Примеры: первым физиком, получившим Нобелевскую премию за исследование ядерных сил, был - Н. Yukawa, а идея планетарной модели атома совместно с Э. Резерфордом принадлежит Х. Нагаоке. И еще в 1946г. I. Mansaku предлагал гуманитарное осмысление ядерной ситуации, а не полное отчуждение от нее в пользу военных и политиков. Н. Yukawa, продемонстрировав высокие человеческие качества, подписал знаменитый манифест Рассела-Эйнштейна и явился одним из основателей Пагуошского движения ученых за мир. Пятьдесят лет в стране действует The Japan Atomic Industrial Forum. Главный редактор журнала Atoms Japan (2001, 45, №12) считает, что основная задача человечества в XXI веке - разрешение противоречий и налаживание связей между различными культурами и цивилизациями мира. Автор пытается найти место ядерной энергетики в решении этой задачи, рассматривая ее вклад в устойчивое развитие общества. И интересное совпадение: глава Японской Православной Церкви владыка Даниил является автором книги о св. Серафиме Саровском, весьма почитаемом в среде православных Японии.

Профессор физики Т. Кавабе в рамках ассоциации ArTech (Bio High Tech Center, Art Center, Plasma High Tech Center) сочетает многогранную деятельность: физика и биология в науке, образование, коммуникация и продвижение в жизнь искусства и творчества. Ему же принадлежит мысль об аналогии и взаимозависимости между проектом ITER (международный термоядерный реактор) и процессами синтеза нового человечества, хотя бы потому, что ни одной стране отдельно решение такой проблемы не под силу.

В Hiroshima Peace Institute, университетах, мемориальном комплексе и других учреждениях Хиросимы международные и междисциплинарные исследования направлены на интегрирование опыта Хиросимы и Нагасаки в стратегии глобального мира. О таком общечеловеческом потенциале Японии писали многие. В частности, еще R.J. Lifton вскоре после второй мировой войны. Возможно, так распорядилась история, чтобы Япония в будущем имела право активно и в качестве лидера осмысливать социальные последствия применения ядерной энергии и побуждать к этому другие страны, другие народы разного вероисповедания.

Согласно буддистскому календарю, середина августа – время, когда духи мертвых совершают свое ежегодное возвращение. Оно совпадает с поминальными церемониями, посвященными Хиросиме и Нагасаки. В августе во всех парках Хиросимы обычно круглые сутки слышен громкий треск цикад, напоминающий звуковой сигнал счетчика радиоактивности. Выжившее в эпицентре после ядерного взрыва в Хиросиме, широко почитаемое на Востоке, неуязвимое дерево гинкго стало символом жизнестойкости и надежды на будущее, олицетворяя вызов атомной бомбе со стороны жизни. На сайте Нагасаки размещены фотографии различных деревьев вблизи эпицентра ядерного взрыва, которые также пережили взрыв и символизируют ныне возрождение надежды страдавших и страдающих людей. Символизм этих растений широко используют и физически (через распространение семян) укореняют по миру различные молодежные движения Японии, протестующие против ядерного оружия с позиций просвещения. Во всем мире известна и традиция антиядерного протеста с помощью передачи людьми друг другу бумажных журавликов и приумножения их числа.

Пожалуй, лишь Россия имеет примеры в какой-то мере аналогичного японскому сопряжения. Когда огромные территории страны подверглись воздействию радиоактивного загрязнения из-за ядерных испытаний на Новой Земле и в Семипалатинске, вследствие аварий на ПО "Маяк" и в Чернобыле. Известный журналист В. Губарев, в разных жанрах освещавший трагедию Чернобыля, стал почетным гражданином Хиросимы. Когда вторые в мировой истории ядерные военно-социальные испытания были осуществлены на Тоцком полигоне, но уже на собственных военнослужащих. Когда в Сарове совмещены религиозная святыня и национальный ядерный центр. Говорят о церковно-государственном, ядерно-духовном "сплаве" здесь. Когда сравнительно изучены процессы формирования общественного мнения в России и Японии относительно развития ядерной энергетики (А. Дронишинец). Когда на Северо-Западе России Русская Православная Церковь все больше берет военных под свое духовное покровительство. В частности - базы атомных подводных лодок. Особенно после гибели АПЛ "Курск". В ноябре 2005 г. Мурманск стал местом проведения конференции "Церковь и вооруженные силы". Ждет окормления Церкви и все расширяющееся международное сотрудничество здесь в сфере радиационной экологии. В частности, - усилия по изоляции от человека ненужных вообще или длительно в течение десятков и сотен тысяч лет ядерных материалов. Со временем, например, международное подземное хранилище ядерных материалов в Печенге может стать проектом не дешевле Штокмана, Yucca Mountain или ITER. И объектом попечительства не только российских,

но и разных культурных, научных и религиозных традиций (как минимум - соседствующих с Мурманской областью стран - Швеции, Финляндии и Норвегии).

Формирование модели отношения к ядерной энергии на примере Японии плодотворно и в связи с высоким валовым продуктом производства этой страны при относительно малом потреблении природных ресурсов и при эталонном отношении к экологической безопасности технологий. В определенной мере Япония при высоком уровне жизни, который невозможен без высокого энергопотребления, подсказывает позитивные пути решения нынешних глобальных проблем, грозящих планетарным кризисом.

Пример Японии особенно важен, поскольку в Азии, да и в Европе (этнические, с исламской подоплекой по мотивации террористические акты в Великобритании и бесчинства во Франции - "мягкий вариант одиннадцатого сентября"), налицо и совсем другие процессы, которые могут "замкнуться" на интерес к ядерной энергии, но не так миролюбиво. Не случайно европейские "варианты" 2005 г. в евроазиатской России многочисленные аналитики активно проецировали на возможное будущее страны. Например, программа "Тем временем" (14.11.05) задалась вопросом: "Как сочетать или переплавлять разные культуры и уровень жизни в XXI веке при начавшемся новом переселении народов?"

Если нефти нет или она в перспективе кончится на всем белом свете? Что делать? Ответ у Японии. Почему Япония, имея мало ресурсов, живет хорошо? Потому, что 60 лет назад переключила сознание на мирную жизнь. И потому, что 50 лет назад начала развивать гражданскую ядерную энергетику. Один из путей, если оставить непродуктивные споры, создания энергетической базы - ядерная энергетика. Вполне возможно, что главный. Если не единственный реально. Многие страны Азии сейчас объединены в мирное ядерное сообщество (FNCA).

Россия и Япония внесли большой вклад в идею и проект реактора ITER. Последуем совету мудрецов - посмотрим на небо. ITER сродни небесному явлению. И люди тоже "от неба". С точки зрения науки (ожившая звездная пыль). И с точки зрения религии. Создать термоядерный реактор - зажечь солнце на Земле. ITER по латыни означает путь. Все это ассоциирует с понятиями "солнце", "путь", "небесный путь солнца". Солнце - главный символ, объединяющий человечество. Но солнцу угодно всходить на востоке. И страна восходящего солнца в контексте своих культурно-исторических корней имеет не мало предпосылок, чтобы не оставить ITER и другие ядерные объекты без контроля душой, чтобы делать дело разумно, но и гуманно. В высшем смысле, делать по-человечески. А, может быть, чтобы первое рукотворное мирное солнце уже непосредственно для нужд людей зажглось на японской земле. Памятуя и то обстоятельство, что Япония уступила Франции в споре за право быть страной размещения опытной термоядерной установки.

Промышленный ITER в Японии или России мотивировал бы дополнительно на богатой культурной базе и противоречивом, разнородном ядерном опыте усиление столь необходимой для ядерного мира в целом многоплановой, зачастую нелицеприятной и в ракурсе сомнений и беспокойства, духовно-гуманитарной дискуссии как предтечи выверенных и эффективных действий. Франция, несомненно, - достойный претендент на важные ядерные новинки и страна великой культуры. Но ядерный опыт Франции, к счастью для нее, но не адекватно для мировой истории, в целом исключительно успешен. В этой стране ядерная эра не приводила к катаклизмам национального и международного уровня. В военной сфере Франция была в качестве догоняющих, когда "правила игры" уже устоялись. И этот этап не сопровождался трагически столь ярко выраженными примерами тяжелого морально-нравственного выбора, как было в истории других стран.

Все вместе, в сочетании с классической национальной чертой облегченного отношения к жизни, может способствовать автоматически крену “термоядерного курса” в сторону упрощения и меркантилизации проблемы.

Что такое, например, Юго-Восточная Азия? Это перенаселенность тропических и субтропических стран с плодovitым по части рождаемости населением. Это дефицит средств жизнеобеспечения. Не такой страшный, как в Африке - упаси Бог. Но все же в массовом проявлении - это серьезная "бомба замедленного действия". В силу пока своей относительной научно-технической отсталости, регион не имеет потуг к ядерному оружию. Но на его флангах по периметру расположены тоже беспокойные страны с ядерным оружием или ядерными амбициями - Индия, Пакистан, Иран (президент которого напомнил слова религиозного идеолога о том, что Израиль должен быть уничтожен), Северная Корея, Китай. Недалеко и Россия. С юга - Австралия (лидер в сфере добычи урана) и Океания с базами АПЛ и полигонами испытаний ядерного оружия США, Англии и Франции.

Да и Япония может теоретически изменить свое "мнение" в сторону имперских замашек. Или “просто” ядерных, что не является более фантазиями – после северокорейских ядерных испытаний. Недаром ее соседи (Китай, Южная Корея) так болезненно реагируют всякий раз на, казалось бы, давно прошедшее, если оно затрагивается нынешними политиками. Вспомним свежие протесты официальные и со стороны простых людей после посещения премьером Японии храма, где похоронены военные преступники. "Остальная Азия" генетически помнит зверства японцев времен хотя бы последней мировой. Как и еврейский мир - зверства нацистов. Не случайно идеология ядерного оружия, как оружия "последней надежды", родилась в Азии - в Израиле и Индостане. Где гарантия, что она не найдет последователей в Юго-Восточной Азии с ее колоритным и кровавым недавним прошлым и настоящим?

Со всех ракурсов устойчивого развития, таким образом, для Азии и Японии, если смотреть социально-обобщенно, комплексно и, хотя бы, на несколько шагов вперед, никак не безразличны новые ядерные темы.

В Японии достоевсковедение нашло благодатную почву. Эта страна располагает одной из лучших зарубежных научных школ, изучающих наследие Достоевского. Мир перешагнул эпохальную грань 60-летия ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. По буддистским поверьям шестидесятый день рождения несет особый смысл. После него жизнь, и без того бесценная, приобретает значение великого дара. Который необходимо понять и бережно хранить. Эти установки имеют значение и применительно к человечеству, заново рожденному и выжившему после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Может быть, России и Японии суждено совместно “выковать” хотя бы контуры морально-нравственных и политических ориентиров ядерной жизни, сверяясь, в том числе и по Достоевскому? Создатели фильма “В Японию на поиски... России” (координатор К. Юка, студия Дальневосточного университета при поддержке МИД Японии) уверены, что Япония и Россия могут помочь друг другу в познании самих себя и мира. И, вероятно, не случайно В. Путин объявил в 2005 г. о грядущей коренной трансформации ядерной отрасли России, возвращаясь из насыщенной поездки по Азии, завершившейся в Японии. Он же шуточно “поправил” общественное мнение (ответы на вопросы телезрителей 25.10.06), что страной восходящего солнца нужно было бы называть и Россию.

Полюс как философско-ядерный символ

В начале сентября 2005 г. в Мурманск из очередного туристического рейса к Северному полюсу вернулся атомный ледокол "Ямал". Но на этот раз пассажиры на его борту были необычные. Благодатные творческие условия полюса - "центра времени" и безмолвных просторов уединенной Арктики "эксплуатировали" любители философии. Обсуждая в режиме лекций, семинаров и бесед суть фундаментальных категорий "время", "вечность" и других. На борту были лишь граждане разных регионов России. Рейс осуществлен за счет мецената, пожелавшего остаться неизвестным. Отсутствие спиртных напитков, табачных изделий и увеселительных мероприятий в работе и быту пассажиров, столь характерных для обычных туристов, изменение по просьбе гостей стандартного графика движения, дабы медитация была наиболее успешной, темы бесед между хозяевами и гостями окончательно шокировали экипаж ледокола.

Вот и интересующихся проблемами ядерной энергии философов кто-нибудь бесплатно свозил бы на полюс! На ледоколе или АПЛ! Порамышлять о "насушном хлебе" общества на макушке планеты. Там, где необходимость в нем проявляется особенно остро. Нынче в район полюса люди добираются преимущественно с помощью ядерной энергии, а не физической силы собственной или собак. Среди льдин и белых медведей, видимо, должен сформироваться новый импульс для интенсификации понимания ядерных проблем. Кроме того, возможно, все вместе было бы с помощью "философско-атомного камня" или "философского ледокола (АПЛ)" одновременно поддержкой и расширением осуществленной недавно попытки в России зародить символизм и познавательные функции "философского парохода" и "философского поезда". Попытки, когда философы "идут в народ", с неожиданного ракурса вглядываются в теоретические вопросы. А также укреплением статуса атомоходов как культурно-исторического достояния России. Пока официально таким статусом обладает лишь "Ленин", которому в 2009 г. исполняется 50 лет. Приравняем полюс в философском и культурно-эстетическом смыслах к Фудзияме, восхождение на которую есть элемент духовной культуры. Эта культовая "яма" хотя и находится в теплой Японии, около 10 месяцев в году прикрывается чарующим и бодрящим снегом.

Начав с должности руководителя информационно-аналитической службы "Цнииатоминформ", представитель династии философов-методологов, политолог и культуролог, педагог и психолог П. Щедровицкий стал заместителем генерального директора Росатома, отвечающим за стратегию развития и научно-техническую политику отрасли. В контексте сопряжения ядерной и гуманитарной сфер примечательны также фамилии Ойзерман и Кантор. Философ, филолог и писатель В.К. Кантор и один из лидеров Международного Люксембургского форума по предотвращению ядерной катастрофы В.В. Кантор. Философ, академик РАН Т.И. Ойзерман и один из первых российских исследователей философско-ядерной тематики М.Т. Ойзерман. Восхождение группы философов на полюс, думаю, укрепило бы и эту тенденцию повышения качества ядерно-гуманитарного симбиоза.

Благодарю за поддержку исследований EU Program "Gateway Education", Research Council of Norway, Canon Foundation in Europe, Deutscher Akademischer Austauschdienst u World Nuclear University, профессоров B. Falkenburg, N. Witoszek, D. Macer, R. Thakur, A.H. Zakri, P. Masterson, M. Taeb, T. Kawabe, P. Lakkala, L. Kurppa, V. Ryabev, V. Masloboev, T. Meyer, Z. Fadeeva и многих-многих других, а также научных сотрудников Института философии и политологии Дортмундского технического университета и моих многолетних надежных информационных партнеров – коллективы журналов Урала во главе с профессором О. Ивановым.